

СМЕНА

13
сентябрь
1933

Изд-во ЦИ ВВП (б) „ПРАВДА“

И НАША ПЕРВЫХ КОМСОМОЛ

...Все, все теперь наше—земля и все воды.
И море, и реки, и нивы, и долы.
Для нас паруса кораблей,
Для нас вьюга широкоморщинистая,
Для нас города с многоэтажными строениями,
И мы—миллионы людей!

Уот Уитмэн

В сумке одного из убитых офицеров армии Юденича было найдено письмо. Оно писало любовной девушке: «Милая, дорогая моя Мария! Если б ты знала, как я измучался. Эти дни были ужасны,—на снах, ни отдыха, все время непрерывная борьба. Видно, конец пути будет самым тяжелым. Красные отступают, получив подкрепления и дерутся отчаянно. Вот уже четвертый день, как мы не продвинулись вперед ни на шаг. Стоим у деревни Н... Она почти вся разрушена. С горки в бункерах висят последние снаряды в Гальсингерском. У меня до сих пор в ушах звенит твой голос и твои слова: «До встречи в Петрограде!»

Милая моя невеста! Какое-то туповатое предчувствие мне все время шепчет сердцу; иногда кажется, что я тебе больше не увижу. О, как я тогда страдал! Я гоноч про черные мысли. «До встречи в Петрограде». Ведь это будет, Мария!

Вчера мы захватили красного батальона, и он оказался... Наташей, горничной Анны Христофоровны. Ее допрашивала Маняшка. Он ее сразу угадал ровнее. Ее допрашивал начал с шуток: «Что же ты, красота, не полюбила меня в Петрограде, ведь я бы обязательно тебя известил». Приставать себе тут гадюга (прости, дорогая), она никак не желала и пачетически сопротивлялась, проносила их в комнату, как в виллы!» Ее пришлось повесить. На шею вместо ареста у нее висел зашитый в мешочек билет своего родственника. Какой ужас! Добиться от нее ничего не удалось.

Анна Христофорова передаст привет, а об этом не говори. Я себе представляю, как бы ее оторвали от любимой невесты. Помолся за меня, Мария! Скоро опять начнется бой, и мы двинемся в город Петра или... Нет, дорогая, верю: «До встречи в Петрограде!»

Встреча не состоялась. Петросские рабочие и работницы, тысячи Наташ, Маня, Гюг, Егоров, Петров и Иванов валились в красные поля, чтобы отстоять город революции. Своей самоотверженностью и героизмом они всколыхнули бойцов, связавших части железной дисциплиной, проносили их в бой, и в победе и в жестоких боях эту победу одержали!

В эти незабываемые, героические дни осени 1919 года Ленинград наполняли Паризь верные Коммуны. С исключительным мужеством и безстрашием питерский рабочий готовился к пострашней битве, решительной схватке с белобандитами. Все, кто был способен носить оружие, был под ружьем. Партийная и комсомольская организация была мобилизована полностью и отправлена на фронт. Город был превращен в огромную вооруженную буржуазию. На рабочих окраинах были окопы, протягивали сеть проволочных заграждений, из мешков с песком на площадях устраивали баррикады для пулеметов. На фабриках и заводах шла круглосуточная работа. Каждые два часа из Смольного передавалась информация о положении на фронте.

Победа или смерть! На арену борьбы было брошено все. Перед лицом грозного, прекрасного вооруженного и жестокого героя питерский производящий величайший пример мужества и героизма. Ни одна рабочая семья не пыталась покинуть город. Рабочие, вооружившись каждый, как мог, Любили спать вооруженные, и саяя бы бежали удаляться прорваться в город юном, им пришлось два часа в бой ивальной каменья, каждый выступил, каждый до улану.

Армия Юденича давно разгромлена и уничтожена. Величие тех дней, героизм масс, творивших их, покрыты навеки неуязвимой славой. Лучшие наши писатели, поэты и художники запечатлели образы героев гражданской войны, воевали в песнях их

подвиги, дава произведения, которые вызывают в нас жажду творить такие же великие дела, быть достойными участниками классовых битв наших дней.

К таким произведениям относится и повесть Раисы Васильевой «Первые комсомолки». Ее героини, комсомолки—обывательные молодые работницы, рывные мастерами строя. И имена у них обыкновенные: Аня, Маня, Зина, Глаша. Они иногда плачет, когда их обижает мать или оскорбляет мастер.

Наташа, о которой пишет офицер в своем письме,—не вымысла, а реальная фигура. Это Наталья Горчицина, питерская комсомолка, бывшая горничная, а затем работница городской прачечной. Поуграммотная, она в конце 11-го года пришла к нам, в союз молодежи, исцать правду... Мы, как могли, научили ее классовой борьбе, обрисовали картину освобожденной борьбы proletариата, и она поехала тут правду своим братьям и сестрам по классу, еще более темным, чем она. За эту правду она в дни наступления Юденича молча и мужественно пошла на встречу с комсомольским билетом на фронт.

Образы таких Наташ с исключительной силой даны Раисой Васильевой в ее книжке. Без прикрас и вымысла она начитает свое повествование с описания двора одного рабочего дома Московско-Нарского района в Ленинграде. На этом дворе работали дети рабочих Маня Мурдурова, Глаша Шорникова, Аня Маркунцова, Зина Дитриева и автор книжки Раиса Васильева.

Жизнь у этих девочек складывается так, как у многих тысяч других девочек на рабочих местах. С детства они терпят нужду и лишения, мало видят солнца и часто получают побои. По праздникам их посылают в церковь, в будни вставать работать. У них есть свои маленькие радости и свои маленькие секреты. Они читают заповедь булавьерных романов и иногда идут в кино «смотреть булавьерный фильм с участием Веры Холодной». Книжки и кино вызывают мечты о красивой жизни, а действительность настолько сера и жестока, что хоть в омут головой.

В 12—13 лет нужна угонять девочек с рабочего двора на фабрики и заводы. И тут обрывается цепочка повседневной работы, побуждений и побой, и все это надо терпеть, потому что на других предприятиях не лучше, а не работать нельзя.

Февральская революция. Девочки с рабочего двора превратились в 14—15-летних подростков. Они вперевод посещают митинги, участвуют в демонстрациях, их организует речей ораторов, мечтают они о равенстве и отделе. Сложную проблему революционной переделки капиталистического общества в социалистическое они разрешают очень просто: все имущество поделат между всеми поровну, и всем будет хорошо...

Революция—лучший учитель. Участвуя непосредственно в классовой борьбе, Раиса Васильева и ее подруги постепенно отщипают свои мозги от варварской жестокости предрасудков и невежества и вырабатывают свое классовое самознание.

Маня Мурдурова, Глаша Шорникова, Аня Маркунцова—работницы-комсомолка, жизнь которых нам описывает Раиса Васильева,—уже обладают некоторыми выдающимися качествами через глубокую преданности своему классу. Но именно они—душа и тело комсомолов, его плоть и кровь. Это они творили революцию, это они с оружием в руках боролись за власть советов, это их кровью напаяли самые яркие страдники истории комсомола. Это они сегодня на фронте труда так же, как и тогда на фронте гражданской войны, без рисовки и шумных показаний обаяния и красивой работы, делают труд на социалистическом производстве подлинным делом славы, доблести и чести комсомолов.

Заслуга Раисы Васильевой как комсомольского автора в том, что она свой дар художника использовала для показа широкой комсомольской массы. Хорошо, прости, но не с тем ярким талантом, которым Раиса Васильева развертывает перед нами галерею рывдов комсомола.

Ее Маня и Глаша—это сама комсомольская масса, ее типичные представители, живые люди со своими недостатками и достоинствами. Они не сразу же понимают и не сразу, но максимум волевой плачущи, делают степенно—выдержанно коммунистами. Одна из героинь книги—Зина Дитриева—даже где-то «в душе» сохраняет еще наивную веру в Христа как в величайшего образованного и ученейшего. Но это не мешает той же Зине умереть смертью храбрых, грудью зацедая Питер от вражеских банд.

Книга заканчивается периодом кропнштадтского мятежа.

Хороших художественных произведений о комсомоле и комсомолках еще мало.

Первые комсомолки Васильевой несомненно займут прочное место на книжной полке молодого читателя. Это подлинно художественное полотно о людях нашей эпохи, о юных proletариатах и proletарках, чьи обыкновенные жизни и дела ярче и чудеснее, чем вымышленная сказка.

Началь в правду: сырость и о недостатках книги, и мы отовд не собираемся о них умалчать. Первая часть книги по своему построению несомненно свободна. Здесь чувствуется еще литературная беспомощность автора. Но уже в этой части Раиса Васильева дает ряд оригинальных ситуаций комсомолов, о которых она пишет, превращает ее повесть в захватывающее произведение.

Наибольший слым автор достигает в показе своих героинь уже в обстановке революции. Но здесь мы встречаем ряд существенных недостатков: Раиса Васильева не всегда дает главные события, и получается иногда такое впечатление, что Ленинградский комсомола, о котором она пишет, переживает только крупных событий в жизни Питера, как кориндийских матеж или наступление немцев в начале 1918 года. Но эти недостатки не умаляют тех больших достоинств книги, о которых мы говорили выше.

В все воды, и море, и реки, и нивы, и долы... Для нас эта ширь многотысячестерная. Для нас города с многоэтажными их грохотом. И мы—миллионы людей! И хочется надеяться, что Раиса Васильева в своих следующих книгах с теми же успехами, как в первой, покажет жизнь комсомолов, грохотом дня, участвием строительства бесклассового социалистического общества.

СМЕНА

Литературно-художественный,
общественно-политический
и бытовой журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ
Изд.-во ЦИВКП (С), „Правда“

№ 13

1 9 3 3

10-й год издания

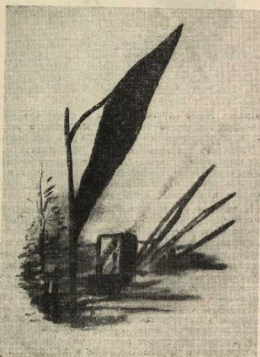
Адрес: Москва, Центр, Малый Черкасский пер., д. 1
Тел. 2-89-28

15 ЛЕТ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

А. Л. ЖИСЛИН

Рис. Г. Берендгофа

ДНИ КОМСОМОЛЬЦА

Чайками
вспорхнули ладони из олов,
Вокзал покачулся
и грузно отпалаг,
Быстро остались
сзади,
дальбе
Мать,
братиска,
дом, где я жила,
Сквозь воздух санктшнн
нас нес паровоз,
Пейзал
с двух сторон
на оси вертелас;
Лентой телеграфной
из-вод роликов колабс,
Тянулись покорные рельсы,
На юг, паровоз,
грохочн на юг,
Несся,
вымпел дыма выкинув;
Придем —
и бомбой молодость свою
Бросим
в лицо
Деникину!
Холод и дождь
наш порыв не остудят,
Москва,
мы рассталась с тобой,
Уходим мы в бой,
но поверь,

это будет
Последний,
решительный...
Бой
нас встретила
пушек ахальем
Бегу
сквозь бешеный крик,
Во вражий живот
под вспотевшей рубашкой
Вгоню
сверкнувший штык,
Стреляю,
окутанный клубами гуда,
В глазах —
напряженья круги...
Почти безболзасивно
шанка сланиула
Два пальца
с моей руки,
В груди
на секунду похолодело:
Смотрел,
удавленный сагга,
Как мигот
красную перчатку одела
Бросишная винтовку рука.

Дома — спокойно,
К груди стены
Шинель прижалась в покое,
Братиска
носит динные штатим
И учится в школе,
Он приносит уроки,
Занимался ими
И я иногда с братом,
Но часто
из-за химии
У нас разгорались дебаты:
Я с зым вел
негодующий жаркий спор,
Я кричал:
«Постой, поволь,
Быть не может,
чтоб натрий-хлор,
Была просто...
столовая соль!»
А когда-мальчишка
улыбался снам,
Свелим,
как его года,
Я его учебник
раскрывал сам,
Красная от става,
Комната
под шалью ночи серой,
Часовая стрелка
борется с временем;

Я кусаю ногти
над прокаткой серой,
Не желающей
соединиться с кремнием.

Моя —
это сотен таких же
истории,
И общая радость успеха,
Завода литейного лаборатория
Стала
моим
цехом,
Начальник ее —
мой младший брат,
Имяшор —
его славное имя;
А я хоть и младший,
но лаборант —
Химии,
Мне сера и кремний
друзьями стали,
Как штык и винтовка
во взводе:
Секреты
сложнейших составов стали
Я узнаю на заводе,
Из нашей стали
машинны гремят,
У ледокола —
обшивка борта,
Одно лишь плохо:
пальцами тремя
Неудобно
держат реторку.

ЧЕРЕЗ

5

ЛЕТ

15 лет отделяют первый год революции от первого года второй пятилетки. 15 лет — возраст комсомольской организации. Позади — героический путь под знаменем партии Ленина и Сталина. Впереди — новые грандиозные задачи строительства социализма во второй пятилетке.

«...Законом 9 марта 1915 г. лица женского пола и малолетние, не достигшие 15-летнего возраста, были допущены к ночным и подземным работам на каменноугольных копях Европейской России...»

А осенью восемнадцатого рабочая молодежь героически боролась в рядах красной гвардии. В газете «Юный пролетарий» за 1917 г. в № 11 была напечатана заметка об одном из многих погибших в боях за революцию:

«...В ночь с пятницы на субботу, 28 октября, наш отряд красной гвардии Симен-Шукерт вышел на позицию между Пулаком и Александровкой. Во втором отряде был товарищ Томчак (член правления союза сох. раб. молодежи). Не доходя до ст. Александровки, отряд попал под обстрел артиллерии и пулеметов. С нашей стороны был также открыт ответный огонь. Товарищ Томчак как наш начальник был впереди всех.»

Предательская пуля его сразила в этом бою. Он погиб, как истинный герой.

8 месяцев власти алтарьской буржуазии не ухудшила положения рабочей молодежи. Правительство рабочих и крестьян на четвертый день после переворота разрешило наиболее важные вопросы.

«К подземным работам женщины и подростки обоего пола до 16 лет не допускаются.»

«...Малолетние, не достигшие 14 лет, к работе по найму не допускаются. Рабочее время не достигших 18 лет не может быть продолжительнее 6 часов в сутки.»

«...В ночные работы женщины и подростки обоего пола до 16 лет не допускаются.»

Пересмотрались нормы заработной платы учеников. Народный комиссар труда установил оплату по часам: от 50 до 90 коп. в час. Каждые 6 месяцев зарплата ученика должна увеличиваться.

Восемнадцатилетние получили право голоса.

Молодежь без всяких оговорок привлекала к социалистическому строительству.

Партия четко определяла путь организации рабочей молодежи.

«Партия стремится к тому, чтобы организация эти с самого начала своего возникновения приняла социалистический характер, чтобы будущей социалистической союзу рабочей молодежи России при самом своем возникновении примыкну к Интернационалу молодежи, чтобы его местные секции передавались по преимуществу делу развития классового самосознания, пролетарского юности, путем пропаганды идей социализма, а именно: борьбы с шовинизмом и милитаризмом и одновременной защиты экономических и политических правых интересов несовершеннолетних рабочих и раб-отниц.»

Через фронты гражданской войны, через трудности восстановительного периода, через мобилизации и штурмы пронос комсомола эти слова жак знамя

борьбы. Леваки и правые оппортунисты много раз пытались обить молодежь с генеральной линией партии.

Троцкий в 1923 г. стремился противопоставить молодежи старшему поколению. Милкобуржуазные элементы прощались в отдельные частные моменты союза, но всему этому ленинской комсомол под руководством партии дал бесподобный отпор.

15 лет отделяют первый год революции от первого года второй пятилетки.

«За период первой пятилетки создана собственная индустриальная база реконструкции промышленности, транспорта и сельского хозяйства.»

Из отсталой, мелкокрестьянской страны, какой была старая Россия, СССР выдвинулся в первые ряды наиболее развитых в технико-экономическом отношении стран.»

«Быстрый рост индустрии, с одной стороны, и успешное проведение политики ликвидации кулачества как класса, с другой, дали возможность снабдить сельское хозяйство тракторами и новейшими сельхозмашинами, объединить мелкие единоличные крестьянские хозяйства и организовать широкую сеть зерновых и животноводческих совхозов.»

В разрешении этой гигантской задачи комсомола проявил себя как боевой помощник ленинской партии и был награжден боевым орденом.

В условиях падения жизненного уровня трудящихся в капиталистических странах рост народного дохода и в том числе доходов рабочей и колхозной молодежи в СССР неуловимо растет и уже в 1932 г. достиг 45,1 млрд. руб. что дает увеличение по сравнению с 1928 г. на 85 %.

Опрямленный рост общественного питания, 7-часовой рабочий день, тысячи новых учебных заведений, 25 млн. учащихся, сотни вновь созданных научно-исследовательских институтов — все это итоги победной работы в первую пятилетку.

На данном этапе работа ленинского комсомола определяется январским лозунгом ЦК ВКП(б):

«...Вторая пятилетка, если она хочет рассчитывать на серьезный успех, должна дополнить нынешний лозунг нового строительства новым лозунгом освоения новых предприятий и новой техники.»

15-летний юбилей комсомола должен явиться могучим стимулом к закреплено уже имеющихся успехов и к наступлению на всех участках производственного и культурного фронта.

В этих условиях гигантское значение приобретает борьба комсомола за индустриально-техническую культуру и огромная творческая работа на культурно-бытовом фронте.

Задача освоения может быть успешно разрешена нами только при условии овладения техницизмом: «Он должен включать в себя различную сущность, разное содержание для каждой профессии... Главное в овладении техницизмом — это вооружить молодого рабочего такой суммой производственных знаний, которая будет способствовать лучшей работе на станке... Все это вкратце не обидно, а тольковым, производственным, конкретным

языком... После научения ствика и агрегата дайте ко-вые понятия о технологии металлов, о рас-четах, об инструментальном деле...» (А. Косарец).

Успешное овладение техникой производства — вот непременное условие для тех, кто носит звание членов ленинской организации комсомола, и значит оно отходить не от бесконечных заседаний, протоколов и митингов методразработок.

К высотам техницизма можно прийти только через подлинное изучение основных элементов техники, связанных со станком и с агрегатом.

Особенно значение сейчас приобретает индустриально-техническая учеба рабочей молодежи без отрыва от производства. И не только в учебных заведениях, но и в кружках, в группах любителей, авиационных и т. д. В этой учебе комсомола должен добавиться живой, интересной постановки дела. Не засуживать людей случайными бесподобными докладами, а сочетать здоровые стремления молодых рабочих изучать химию, математику, автомобильное, авиационное дело с заинтересованностью в работе кружков, с чутким подходом к здоровым aspiration молодых рабочих.

Тысячи мастеров индустриальной культуры должен дать комсомола из своих рядов. Комсомольские дома, комсомольские агрегаты и все участки, на которых работает комсомола, в год пятинадцатилетия должны стать образцовыми по производительности труда, по качеству, по социалистической помощи отставшим, по высшим формам социалистического соревнования.

В области деревенской работы задача наша задача «состоит в том, чтобы создать примырный колхоз... Колхоз, который прежде всего точно выполнял государственные задания, обеспечил полную сохранность общественного колхозного имущества, правильно организовал труд колхозников, учет труда и распределение доходов по труду, борется за повышение урожайности...» (А. Косарец).

Городской комсомола должен послать на хозяйственно-политические кампании в деревню и в особенности на большевистский вес тысячи лучших комсомольцев, которые смогут передать колхозам опыт социалистической индустрии, которые смогут успешно бороться против всякого кулачества, с левыми и их пособниками.

Огромная работа комсомола и рабочей молодежи на индустриальном фронте не должна заслонять от нас задачу организации культурного быта. Если в первый год революции партия в труднейших условиях смогла резко повысить элементный уровень рабочей молодежи, то в первый год второй пятилетки, через пятнадцать лет, у нас есть прекрасные условия для отличной работы в клубах, на стадионах, на стрельбищах, в парках культуры и отдыха, на волах и дачных станциях, в рабочих домах и общежитиях. «Комсомола на данном этапе нашего строительства должен явиться своеобразным наркоматом культурного отдыха» (А. Косарец).

Пятинадцатилетний юбилей комсомола — смотр всей комсомольской работы. Он поможет дунуть вперед воспитание на молодое поколение культурных бойцов за дело рабочего класса.

ГИМНАСТИКА

Салат, которому была предоставлена диванчик в квартире Полозовых, спал очень тревожно.

Он ослабел. Это давно уже стало основным и постоянным его чувством.

Мир вокруг него состоял из скрытых или явных сил, которые толкали и выталкивали, когда он обнаружит перед ними, что он слаб.

Всю жизнь он непрерывно страдал от голода, холода, от животных и даже от насекомых.

Но самой безжалостной, хитрой и злой силой были люди.

Они были осторожны и вредны не сами, а располагали тысячами путей, которые создавали ядовитость их непричастности к залу, которое они насладились.

Они давали зал через написанные неизвестно кем бумаги, через известные где и кем принятые обязательства и законы.

Они умели делать зло с улыбками, с сострадательными лицами и даже сиротливо. Им нужно было так противостоять. С ними нужно было так же уметь и рассчитывать бороться.

А это было так трудно для того, кто мало знал — ничего не имел!

Когда-то он не понимал всего этого, жил просто, работал до изнурения, молясь, что все будет правильно и он не останется без всего...

Но случилось иначе.

...Он родился и жил в тех местах, где земля была суха, мертва, где молодой проволочкой стояли высокие кустарники, где тусклыми клубами шерсти падали в раскаленную пыль овцы, чтобы никогда более не поднялись. С каждым годом бледнела и мельчала та река, и с каждым годом залес наступала песок на людей.

Немного выше, где вода была гуще и сильней, можно было проворниться, работая на чужих людей, и за этим его отец пошел туда. Отца обманывали, и, когда наступил расчет, ему не выдавали ни обещанных сапог, ни муки, ни шерсти. Зато он воровал и приносил агнцы шкурки, обмотанные вокруг худых ребер. Он выменивал их на водку и, напившись, с заплаканным бабыным лицом кричал, что Керимова не дал ему ничего на того, кто общался, не дал даже молока. Вскоре он за болел глазами. Болезнь эта была почти повсюду у жителей этих пыльных раскаленных степей. Решения выплывали, голые вены наливались кровью и лезали монументы, чокче губы, а блон между ними сверкала сузо и осматривалась, как сало.

Однажды отец вернулся с большой, чистой, точной костью, палкой, которую ставил вперёд себя, и сказал, что за это лето ему стало еще темнее, и что Керимова побоялся, что он съедает стадо, и приказал ему уходить. И тогда отец пошел просить у людей с мешком за плечами.

Стая у храма на Соборной площади, он поговорил одно и то же:

«Красивый народ, ашраф бяр!».

А однажды зимой привнесла его, странно дагунито и твердого, как доска, с глазами, что были полны синим светом.

Сен его уже работала на Керимова, и тот не давал ему ни денег, ни сапог — так же, как развешивать отцу.

Он работал три года, но боялся людей и почти совсем не разговаривал.

Как и все, он знал, что мало имеет хлеба, сапога, меховую шапку, дом. Чтобы люди спрашивали его о чем-нибудь, он знал, как следует отвечать им на это. Но ничего этого не было, и он стыдился себя при них, тигристо молчал и был мало отличен от издохших, мощных и диковатых баранов, что окружали его.

Раз попробовал водку и тотчас же пошел к хозяину и попросил заработанные за три года деньги. Хозяин удивился его огромному телу, но денег не дал, а обещал поставить дом.

Нового дома он не поставил, а дал разорвать черной от старости амбар. Из него-то и был поставлен домик, одно напущенный тлением дом, над которым все поменялись.

Но пастух устроился почему-то пологим на склону леску, ставил вывернула, как лавина, и красный цвет и азмула женились. Но, чтобы жениться, надо было еще немного денег, и он снова попросил Абдула. Но тот сказал, что все они пошли на постройный дом и что если он хочет получить их, то пусть сегодня вечером принесет ему крылато и крышу на окно.

Пастух не мог этого сделать и остался еще на четвертый год, а потом и на пятый и на шестой. За эти годы умерли его мать, брат и маленькая сестра, а когда пошла седьмой год, его вызвал на войну. Его долго везли в теплушке, и русские солдаты очень смеялись над ним.

Да, людей вокруг него стало так много, и все они были настолько слабее и умнее его, что в конце концов он надумал и растянул несколько мотков губы и замахах руками, как насажда кривыми. И все понимал, что это он тоже смеется, и захохотал еще сильнее. Но затем, поняв, что он сдался, со скукой оставил его, а он был счастлив, что, прижившись к нем им, то пусть сегодня вечером принесет ему крылато и палатки на мужнином доске теплушки, может наконец заснуть.

Но судящим на смерть людям было так скучно, что они еще несколько раз будили его и все вместе смеялись с ним — еще и еще смеялись.

Только раз разбудил его не для этого.

Век их вывели на большой станция и поставили прямо под колокол.

Барышни в одинаковых платьях и белых фарфурках прошли мимо них. Они раздавала цветочки и книжечки. Больше всего дали красному Пинчу, но одна, с резким лозоном, сунули прямо на глаз с белым, дала и ему книжечку.

Потом старый, старый человек, с узкой и серой, как шуха, бородой, говорил, что они должны умереть за свою землю, и слыся, как град, падал в уязку его бороду, но он не страдал.

Потом, когда они приехали, их начали обучать, как колоть, стрелять, рубить, падать, вскакивать, пришептывать.

А их фронт можно было делать только одно — не дать убить себя и как можно больше убить самому.

И был фронт ни на что не похож, и от него нельзя было сидеться. Смерть неслась навстречу и разнообразно употребляла людей.

Он видел, как снаряд снес одною череп в то время, как в губах все еще продолжала дымиться папироска; он видел, как один фальшфейерк проползал две саженя, вполза за собой развалившиеся колени; он видел одного, который в течение трех часов зажимал зубами разорванную артерию на своей руке...

Однажды они наткнулись на окоп, кавалось, перешитый людьми. Когда же они подошли ближе, то поразилась странному молчанию, стоявшему там.

Люди с синими лицами, с почерненными губами встретили их. Это были неестественные новобранцы, слышим равно синием противоядия.

После того необыкновенно ахолодного напряжения, осматривающего, режущего ужаса была равен и он.

Залетевший снаряд разворотил окоп, и вихрь щепы от разбитых досок тысячами укусов влился в солдата. Это было завалено все его тело, руки. Пробив гимнастку, вошла она в колу живота, груди...

Когда на него наткнулись санитары, они не решились взять на носилки его вадуте алошорное тело.

Потом ему пришлось сделать девять операций по

— Стой! Стрелять буду!

Одна, с рынком лононом, дала и ему книжечку...

замечено осколков, и каждый раз операция оказывалась неудачной.

Он искал зобитованний, неподвижно, на спине, позиций на гигантскую белую куколку, только голова в страшной злобе двигалась за хвостными и уходящими антами.

Потом зарылся и газа, престав трезвиться остальных людей. У таа прихотливо раненого солдата началось общее жарение крови.

Но это был один из тех изумительных случаев, которые не учитывались тогда из-за общей спешки и радованию в жизни людей.

Через двадцать дней у безмолвной белой куколки снова пролезала голова, но теперь уже гледал она с мертвыми тусклым безразличием.

Каждый день отдался ему затвердевшие буквами повязки и каждый день заваливал бесчисленные раныс лодом, а в более крупные раны вставляли длинные тампоны из марла, пропитанной спиртом. Каждый же ему впервые открыла лицо, то оно испугало даже опытных сидель.

Ему запретили сидеть у окон этого лазарета, что помещался на главной улице большого, шумного и чистого здания.

Потом его перенесли в другой город и другой лазарет—на далекую окраину. Там наступил голод, и в палатах не топная.

Тогда он проинтовала письмо на родину Умарку Керимову и попросила выслать хоть немного старшей наемке тех денег, которых нет настоящего управителя в стране, что для армии забрал Ашераджи, хотая ввать землю, а скоро будет еще хуже.

Потом ему сказали, что всех распустили по домам. Он подобрал немного и, обходя палаты, рассказывала, что уже лучше поспиде немного бы хлеба, но зато знает кто на родине есть свой угол.

Домой он не попал, потому что там началась война и смерть.

И он остался в пестрой, сборной части полка, потому что идти было некуда, а здесь с них уже прекратили что-либо и требовать.

Только теперь он был уже совсем не таким, как когда-то был взят от бесстрашных травянистых степей и от таких же немых, как он сам, одиночных стаа.

В последний этот год общего беспокойства и тревоги открыли он, что в нем начался видеть калгуристо-страшную и таинственную славу. Он понял это еще тогда, когда командир роты Юрий Савонтов стал тригво-ласоко называть его «душа злобоземья», а иногда и раскрывала перед ним портретга, запросто предлагая «любоваться».

Выважало он сам путался поручика, но с каждым днем он все отчетливее устанавливала, что тот боится его. Этот же страх и даже виноватость вскоре стаа он открывать на лицах всех тех, кто раньше не боялся ничего.

Однвдям лицом к лицу в безлюдном переломе он столкнулся с дамой в бирюзовой шапке и туфках с интересными золотыми пружками.

Понгирыва немую распушенную гимнастерию, он лениво медлен, река, куда сверху: направо или налево, как вдруг ощутила прикосновение к ладоням чего-то холодного и услышала прерывающийся из неопознотого языка голос:

— Возьми, возьми, сляй надо! Возьми ничего нет! Серебряная... и двадцать рублей... Возьми, солдатик...

И серебряная, с золотой цепочкой сумочка осталась в его руках.

Он очень испугался, когда наконец понял, что пронахажив.

— Барин! Эй, барин!—испуганно кричала он и шлепая вдольюгу ей босыми ногами.

Но панически мотая коротенькими распорхренными ручками, она бежала с ловкостью и быстротой степной куропатки и вскоре исчезла из виду.

Точно предсказать, почему он теперь стаа впасть страх, он не мог, но смутно догадывался, что они должны были бороться.

Потому, что это был алдезм и обманщик.

Когда он сляа на фронт, господил с шучьей бородой дама и кричала про «заводо»...—теперь он все впервые слышала, что наступила «свобода».

Но поручик Савонтов заставляла мять свою ресорную коляску и в ней провозила он, прикрыв кожаным фартуком, пудовники муки, куляны с сахаром, щипки с вином.

Мучительно зарабатывал он, солдатом, дом полагали.

Да, им нельзя было ни на минуту верить. Им нужно было только мстить. Их нужно было всех уничтожить: опасных, жалких, хитрых, умных...

Потому и здесь, в масляной комнате Павловоы, он все время тревожно присматривался.

Этой девушке нельзя было верить. Он знал это. Он понял это, когда в темноте шал они в город.

Торопливо вышпигав рядом и осторожно, искался поглядывая на него в темноте, она обещала написать ему письмо, чтобы окончательно выяснить, кто и за что смеет дом. В письме же она обещала указать, что он служат «со стороны красных» и против казаков. Тогда ему выплатят или деньгами или ассом.

Он почти не слышала всех этих слов, потому что бесконечно определяла, что их вызвает одно: страх. И он угромо алковала, что вызвает в этой красивой и образованной барышне такое чувство. Только хотелось ему, чтобы оно все услышавало, чтобы слыска и престала притворяться этой хитрой, так обычно запугивала. И тяжелая злоба избегала на него, заставляла уже без разбора хусть по подмаршним лужам и тяжело месить полузастывшую резиновую грязь.

Быть может потому, когда нежно блеснула далекие огоньяя пригородка, он неожиданно и резко остановился.

Остановился так, чтобы очутиться лицом к лицу. Руки его с огромной силой сжались, спина тяжело сторбилась, и он чувствовал, что валдла его отсюда шагнеть. В этом отчаянном молчании он сам услышала и далеким прерывистым ревом летела и глухой подземный рокот весенней воды. Он сам не знал, что может и что хочет сделать, а в короткое мгновение, когда он должен был окончательно понять это, девушка, не отходящая лица и очень близко глядя, негромко сказала ему, точно посоветовала:

— Все равно отвечать придется.

И то, что росло и наползало его удушливой злобой, неожиданно исчезло перед этим замлчивым советом.

Тогда же, хотя и очень угромо, он подумала, что она говорит правду.

И, ослушавшись молчанием, точно для того, чтобы окончательно стравиться от короткого сна, они пошли дальше.

Но теперь, чем ближе подходила огни города, тем тревожнее выгадывала спутник на лицо девушки.

Это подлодный валдения ее с таких, как она. Те перу уже она могла стать опасной.

Но как у всех умных, сильных, лицо ее оставалось все таким же неподвижным, так что нельзя было угадать, что она замышляет сделать.

Успокаивала его только то, что за паузой у него была написанная комиссаром бумажка, а бумажка он слыска еще не читал.

Потому-то в такой злобой тревоге вскакивала он несильно рас с дивана, потому-то с тяжело затрепетавшим сердцем и занукала он руку за паузу. И подползал он совсем рано, когда за окном еще

тьмью развевталась морной, свежий и весенний, как молодой тополиный лист, весенний расвет.

Ждать ему впрочем не пришлось слишком долго. Павлова встала тоже рано.

Лицо ее было так бледно, что казалась, но не успело еще отогреться после авчерашней ночи.

— В трибуналу—только с девяти. Придется обождать. Напьемся чаю,—сказала она.

Мать ее стремительно и робко ввнесла самовар. Он немедленно согрелась кипятком и выпила вместе.

Ох, орошно, что вижу вас. А как Антон?—горячо блеснул антрацитовыми глазами, спросив человека с желтым утомленным лицом.

Вместо ответа девушка попросила спутника сказать бумажку. Чуть вальяжно и пропавшая толком бумажка легла на стол председателя.

— Будут обумудривание идти до полудня?—переспрашивал он.—Надо скорей известить Орехова. Худо то, что вчера дано распоряжение оставшуюся партию обумудривания направить железнозвонкому. Постарайтесь перекачать,—он стремительно поновался, но ему ответила, что губрокомиссар еще не приехал.

— Тогда идите туда. Вот резолюция. Орехову будет ясно положение вещей.

Написав на ней несколько слов, он вернул им запечатанный конверт.

Тогда молодой человек стремился вытиснуться в задмвнутому тесную дверь, что умно ввнесла на одной петля.

А в самой верхней кипельня, пытаясь слезать изпод, стаа небойшай человек с мертвенно бледным и немом от лица лицом, с винтовкой за плечами и кумачевым перевязью.

Павлова издала помехала, ему бумажкой Рентбюра, но он даже не заметил этого.

Тогда, прикуривая газла и как бы заране готовясь к ударам, она попыталась влзнуть в толпу. Но женщины с солныгами и блестящими, как антоновы, шариками и в исконном газовом шарфике со страшной ненавистью ударила ее локтем в бок.

Павлова слышно пошатнулася, чуть не упала, но тотчас же почувствовала, что перед ней стало совсем свободно.

Витянув угловатую голову в пачки, схватив тартанку за руку и, точно водора, раздвигая всем своим неподвижным телом толпу, спутник стремительно продвигался к двери.

— Стой! Стрелять буду!—отчаянно кричала вслед человек с винтовкой.

Он вклинил винтовку, но они уже поднимались по антоний черной лестнице. Означательно онулся назад, шариками и в исконном газовом шарфике, усе у внутренних дверей губрокомиссар поспирал их предельный пропуск. Просмотрев бумажку, без секунды промедления, с горячей готовностью он их пропустил.

Они очутились в сплоченной тладе, был глане неужале расставлены парты, так как здесь еще недавно помещалась мужская гимназия. Теперь за партами сидела служащие.

Павлова спросила, где можно видеть губрокомиссара.

Сказушая губрокомиссар, дама в пыльном бархатном платье и в джоржингах розовых пинжх, оскорбленно сказала, что это ее не касается и что следует спросить Кацшевенебогана или Студя, но в данный момент оба они вышли.

Попробовала спросить Павлова и у припнторокрутого румяного привычного старика с тепло светящимися глазами. Она даже протнула ему бумажку.

Но немозники сковаднули куда-то в сторону, совершенно рассеянная улыбка тропула барбарисовые губки, и привычный старик усорился шагнеть.

— Совоачи!—с неодобрительным слюноистем сказала Павлова.—И все-таки и буду у Орехова, и буду у комиссара, и буду у Орехова, и буду у комиссара. Я люблю сейчас же... понатого?

— Понтино.—угромо подтвердил спутник.

Через полчаса он почти бежал в ворота главного склада.

Человек с изумительными усамя, придавленными как украшение к тоаостоекому лицу, неспеша на солонном пришеке. Мисисте его пальцы задумчно потгирывала ключом.

— И вы, товарищи, нам товар оставь,—закладывая наивно с изумительными усамя, он сказал.

Человек с пылыми усамя осторожно подыала легонькую цепочку и с горестной укоризненностью особона клянуху грязь, что обмаруна на своем

воном кавказком чекмене, которыми в то время любил похваляться себя каптенармус.

— Пекёт,—ответа он, нежно погравляя усами и добро щурясь на солнце.—Пекёт...

Затем он опустил металлельный взгляд на грязно и нище одетую человеческую гамбу, что стояла перед ним, и в синевых глазах его сверкнула молния.

— Азлит!—прогудла он неожиданно возникшим в нем густым, колокольным басом.—Азлит!

Но просятель не отошел от него. Он нична рассказывать, что в казарме лужах и раздет, что будут лужи только до поудачи, что кроме них никого нельзя выдвдать, что сейчас придет баба с важной бумагой, и т. д. и т. д.

— Не хисти воздух,—умоляюще попросила красивый каптенармус,—отойди на три шага.

И в то время как просятель, одурев от волнения, потворно перемалывал с ногти на ноги, из-под наветса, где лежала синяя мартовская тушь, почти несамно вышла легоныя, весь полдохий старик. Ковальские, легоныя волоса перебирала веселый ветерок, гудящие глаза бодро светлели на изредка чистым морщинкам лице. На старичке была городская и можава кожаная куртка, сашином обшивая для щуплого его телца, а в небольшой, неожиданно крепкой, точно вышитой из металла, ручке дымилась мартовская трубка. И голос его звучал твердо и неаборно.

— Ты над человеком не глумись,—сказла он красному каптенармусу,—ты приставляе высунувши, у кого жала судя дель, а дель на разяснение как удовлетворить его запрос. Смотря,—ум совсем сердино добавил старикоч,—ты только наемный слушайчик, потому тебя и кормят.

И, слова отойдя в тень, вышел за ворота на грязной, аккуратно прикрытой брезентов телеге.

И только эти широко открытые ворота породили в проясств лгучую догадку.

— Эй, отец, задержался!—не своим голосом закричал он всад отдалившемуся чавкаючи в таркетноное колес...

Старичок, как видно, свернул в один из первых переулка, потому что на улице уже никого не было.

— Эй, отец!—уже крипла и безнадельно позвала он.

— Товарищ, куда?—почти тотчас же услыала он голос, который неожиданно вошла в него как нечто единственно родственное, почти кровно близкое к этому непонятном, трудном и ажком мире.

И с тем же, совершенно неожиданным чувством огромной родственности увидел он потертое пальто и суровое чернотазово лице.

— Опоздал!—наконец с трудом выговорила девушка.—Железнодорожники?—спросила она.

Этого он не знал. Только старик поехал вон в ту сторону...

— Сейчас узнаем,—сказала она, и они вошли во двор.

Теперь красивый каптенармус, подперев языком щек, а ослосе зеркала подробно изучал состояние своей кожи. Он вскозь вглянула на девушку в потертом пальто и не переменял род развешенна.

— У меня отмена данного равние распоряжения. От Орехова,—она протянула ему бумажку.

Каптенармус вздохнул.

— Товару болюше нету,—гудело сказла он,—лавровый лист, соас, саж уголю...

— Кто с ним выехал?—нетерпеливо перебила Полозова.

— Это нас не касается,—ответа каптенармусу, поворачивая угитерские глазками,—это касается ихней лошади...

Тогда Полозова, точно выскенная глазами место, куда улоса всего ударить, очень тщательо оглядела человека.

Огромная трезвость засветилась в ее больших несвоем как глаза.

— Вот что, сказать,—сказала она—время, как вы, жидут еще потому, что нехватает времени аса переждать. Но для тебя постарается,—и она решительно шагнула прямо на него.

Внезапно полные щечи мелавкозического бондира задрожали, и местные павды, пугавше и трещача вытасили из казювника снорную бумажку.

В то время как девушка бегоа пресмытнула ет, тот бы вместе с ней, с чувством неожиданно пришедшей асности, задыхался от счастья, с огромным трудом, как малденя, впервые пронизанный слосом, проворно из вскозьло деревню, но отчитавшо эти настоящие слова:

— Пр-е-це-ака-ем, сво-ю-чи...

Он повторил слова, только что произнесенные другим человеком. Но всем телом, всеи кожей он ощутил их как самые кровные, давно принадлежавшие ему слова. Они пришли к нему, как радостный нахлоск, как умоляющее отомщение. Как внезапно осветившие сумбур и неопределенность ночи против солнечные лучи. И почти с восторгом селдела он, как дрожащ угитерские щесы. И ему захотелось прямо в упор ни кричать и не крчачть еще все, что всю жизнь копошился в нем.

— Да, это железнодорожники,—сказала девушка.—Можно еще логать.

За воротами она секунду раздумывала:

— Чтобы не разминуться с ним, нам вернее пойти порозни: одному в ремонтные мастерские, другому на вокзал. Как думаете?

Теперь она не понимала слов, не спрашивала, а просто советовалась, решая общее и для нее и для его делов.

И он тоже ощутил то общее, что неравально связывало его с этой девушкой.

— Я в мастерские, а вы к вокзалу,—сказла он, секунду подумав, и, не оглядываясь, решительно зашагал.

Весенний день заметно наивался золотой зрелосью.

Розовые губы сверкали в густом небе. Даже самый ажный трост посмался дрожащий сполоскнутый золотом, душич тремел чернотазам, и тязелые свитки сверкающей гражи дышали животным и радостным телом.

Приближалась та полновокровная, мощная часть дня, которая зовется полднем.

И только одно это воспринимал для замышляюще, изумочной человека.

Первым увидел телегу, аккуратно прикрытую брезентом, тот, что выбрла ет и железнодорожником ремонтным мастерским. Очевидно, с телегой не все было в порядке, потому что, накривившись на бок, она стояла, а легоныя старичок хлопотла над чем-то у переднего колеса.

Сиддавай!—только успела прохрипеть подбежавший к нему огромный человек и рванул за веревку

реску, что аккуратно стгнивала браслет. Его изорное, пестрое, все толно засыпанное песком, лицо страшно искажилось,—он знал, что так надо делать, когда толпа, чтобы его пугали.

Но старичок никак пристально и изумленно разглядывала его.

— Но, но,—сказла он наконец все так же изумленно,—сворачивай, Паша...

И снова он оглядела человека очень запоро, как не особенно приятно, но давнишнего знакомого.

— Сиддавай!—уже значительно тише повторила ему.

— Ты что? Мародерить? Или бандитить?—вдруг гиснула задала старичок.—Я твою знакомый от железнодорожной красной дружины! Удич лучше,—и он тронул свою казюру вбок прямо на человека.

И тогда человек заговорил, стаясь как можно отставом и разумительнее передать старку все то, что необходимо было передать. Он снова и терпеливо рассказла про людей в казарме, про обещание доставить обмундирование точно к полдню, про бумагу, что выдана чавкающей всем трубунам в казарме.

— Полозова?—спросла старичок, остро ощущуя его глазами.—Я ее знаю. Пригодилась. И люди говорили, ждуть... Все это, допустим, и так!—воскликнула он, неожиданно заторясь.—Ну, а что я бабам скажу? Ведь до чего же обиделась, опештралась, охолодала! Ведь они небось уж в ряд встроились...

Светлое лицо его вдруг дернулось и все задрожало от мелкой, мучительной дрожи.

— Ответь навал,—сказла он, отсвертываясь.

— А если обманешь?

— Кого обманешь? Себя обманывать не будешь,—ответа рабочий несвоем, но твердо.

Этой твердоси повора солдат. Он огромным побегом обратно, по порте Полозову встретил скорее, чем предпологал.

— Тож не нашла?—спросила она, и он заметил, что рот девушки почернел и полуоткрыт, как от сильной иссушающей жажды.

И тогда, почувствовав огромную радость, он закричал ей гортыным стениым голосом, что стаясь заплакал, но что ему ой поворила и что нужно как можно скорей забирать товар, пока не узнали бабы и не стала с ребятами в ряд...

Девушка взглянула на спутника, потом на золотое парчевое небо, и с трезовой ой вновь заметила, как потемнелый рот ее снова полуоткрылся, точно от сильной жажды.

— Сейчас на меньше двенадцати,—сказала она спидовато.—Одич на нее немедленно должен ехать в казарму.—И она снова вглянула в золотое небо.

Он должен поехать и обяснить, почему задержался...

— Если поеду к, мне не поверят,—она пристально и серьезно вглянула на него.—А я обязательно приду... Приду... Так вот, скажете это вы им, товарищ!—спросила она и с огромной настойчивосью вглянула в самую потаную глубину его смятенных, точно ищущих удара глаз.

И в этой же несомемой ой самому глубини был рожден неожиданный, изумивший его самого, но решительный и твердый ответ:

— Скажу.

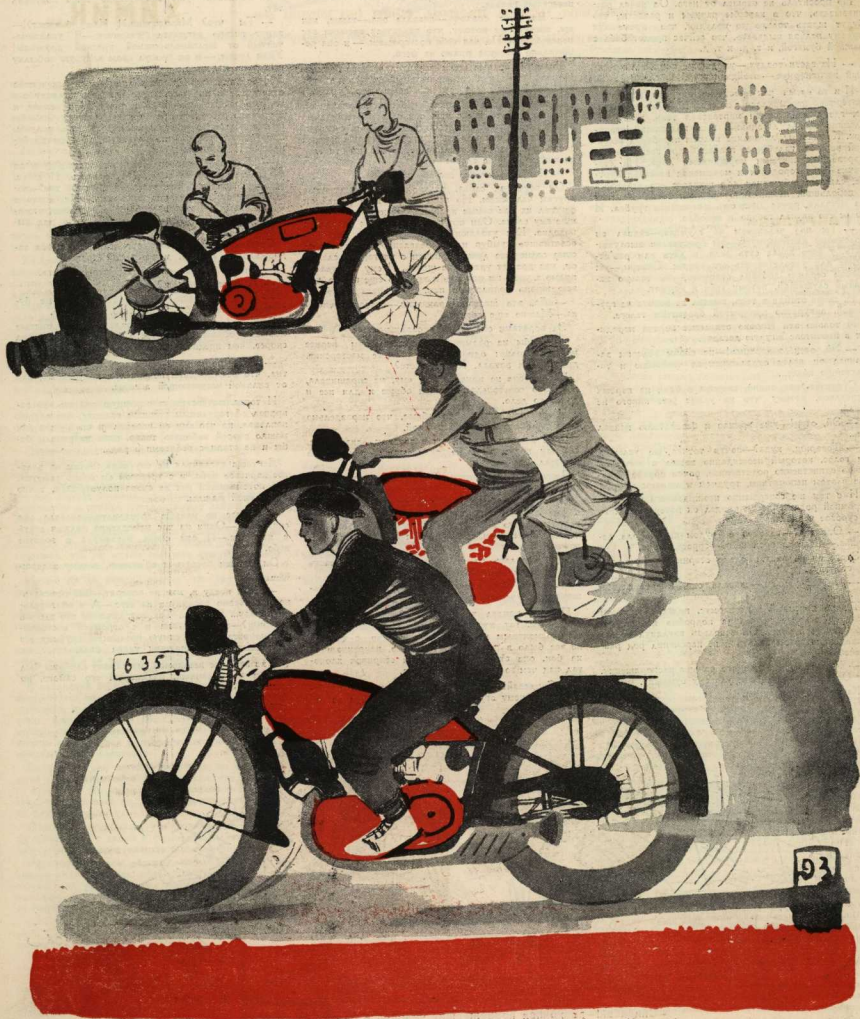

—Сиддавай!—прохрипел подбежавший человек и рванул за веревку

СОЗДАВАЙТЕ АВТО-МОТОКЛУБЫ И КРУЖКИ!

...Написать рапорт, послать приветствие...
На это мы мастера. А вот организовать работу
технического кружка, создать автомобильный
клуб, организовать дело изучения рабочей мо-
лодежью моторов—это считаем трудным!...

(А КОСАРЕВ)

Нам нужны теперь большевики-специалисты по металлу, по текстилю, по топливу, по химии, по сельскому хозяйству, по транспорту, по торговле, по бухгалтерии и т. д., и т. п. Нам нужны теперь целые группы, сотни и тысячи новых кадров из большевиков, могущих быть хозяевами дела в разнообразнейших отраслях знания. Без этого нечего и говорить о быстром темпе социалистического строительства нашей страны. Без этого нечего и говорить о том, что мы сумеем догнать и перегнать передовые капиталистические страны.

(Из речи т. СТАЛИНА на VIII съезде ВЛКСМ)

В. ГАВРИЛОВА — комсомолка с 1922 г. Окончила геофизическое отделение ЛГУ по специальности магнитометрии. Магнитолог Маточкина Шаро. На Маточкином Шаре (Новая Земля) Гаврилова изучает «абсолютные значения и суточные вариации элементов земного магнетизма и атмосферного электричества». Кроме того она ведет наблюдения над полярным сиянием. Ее научной работой руководит Всесоюзный арктический институт.

У. ШУСТЕР — комсомолец с 1927 г., кандидат ВКП(б). Закончил аспирантуру во Всесоюзной академии наук. Славяновед. Написал исследование «О капиталистическом развитии Польши». Его работа одобрена и слана в печать. За лучшие показатели в научно-исследовательской работе послан в заграничную научную командировку.

Б. КАРАНДЗЕЙ — комсомолец с 1929 г. Рабочий-шафровальщик. Окончила курсы метеонаблюдателей при Всесоюзном арктическом институте в Ленинграде. Получила высшую оценку у профессоров Казро-Ливанского и Бонч-Бруевича. Начальник станции Русская Гавань на Новой Земле. Замовщик. Ведет самостоятельную научно-исследовательскую работу. Карандзей 21 год. Он является самым молодым начальником научно-исследовательской станции в СССР.

И. В. КОРНИЛОВ — комсомолец с 1924 г. Чуваш.

Был командирован комсомолом на учебу в Московский промышленно-экономический институт. Овладела английским языком. В 1929 г. окончила химическое отделение института и через год была зачислена в аспиранты Всесоюзной академии наук.

Его первая научная работа «Извлечение брома из рассолов в виде трибромидована» была напечатана в журнале «Прикладная химия» в 1932 г. Сейчас Корнилов работает над изучением равновесия металлических сплавов. Наркомтяжпром дал ему специальные задания.

Недавно на научном заседании Химического института академии наук Корнилов сделал доклад на тему «Предельная растворимость меди в магнии в твердом состоянии».

Проф. Н. И. Степанов так отзывался об этой работе: «...в литературе существовал разногласия о предельной растворимости в твердом состоянии меди в магнии. Данные, полученные Корниловым, решают этот вопрос».

М. ШКОЛЬНИК — комсомолец с 1928 г. Аспирант Всесоюзной академии наук.

Изучает вопрос о физикохимическом состоянии химических элементов: калия, фосфора, бора и др. на рост льняных и др. волокнистых культур. Это работа представляет немаловажный хозяйственный интерес. По отзывам профессоров, М. Школьник работает над своей темой исключительно усердно, проявляя большую инициативу.

М. ЛИТВИНОВ — комсомолец с 1919 г., кандидат ВКП(б). Аспирант Всесоюзной академии наук. По специальности — микробиолог. Его работа «К вопросу расслоивания у планктонных дрожжей в условиях пивоваренного производства» была одобрена на научном заседании микробиологов Академии.

И КАЖДЫЙ — БУДУЩИЙ ХИМИК...

Я в годы гражданской войны не участвовал...
 Всю свою жизнь в бою...
 Мне давал комсомолом почетный участок на фронте великих работ...
 Остатки — обрабатывают металл...
 Другие — ткут...
 Мне дан в обработку любой материал...
 Будуший человек...
 В школу сто семьдесят маленких граждан...
 Шагнул со всех концов...
 Подается горит алмазистым ваджид Взабегущий на крыльцо...
 ...Как дети рабочих живут за границей?...
 ...Снег отчего пушист?...
 ...Куда улетает под осень птица?...
 ...Кто он такой — фанисет?...
 Глазами внимательными и бойкими...
 Глядят на меня в тишине...
 И каждый из них — это будущий химик...
 Пиют, военком, инженер...
 Комбайны водить им и мчаться в танках...
 Так — будет потом...
 А пока — еще неуверенно строчки диктанта...
 Выводит ребячья рука...
 Звончик, они проверяют их дважды...
 Как только посты на войне...
 Знаю, что грамотным должен быть каждый...
 А большевик — вдвойне...
 Звончок... не перемена...
 И отдышку радмы...
 Меня окружают коядком...
 Поют: «...под грохот канонады...
 Мы смерти смотрим в лицо...
 Поют, умищая друг другу...
 Сметется малых намшуку...
 А я поднимая руку...
 И в песню поправку вношу: «Мы выйдём под родной орудий...
 Когда — не могу вам сказать...
 Но только, ребята, мы будем Победу смотреть в глаза!»

ЗАМНАРКОМА

Их двое. Меховые шапки жаровыми. Они из Киргизии. Звонят стеновой загоу телемотором. Так застывает чистая кожа, так чисты блестящие глаза, так художник ежесекундно высовывается из-за заслонки блокюта и целится в них карандашом.

Фойе большого театра в войлочном шорохе налегон, звонят делегатских стганов...

Через плечо у старшего на шнуре большой конверт на полосуной резинке, — голубой такой бумажок, — застегнутый на орленую медную пуговицу.

— Киргизский портфель, — произносит тот, кто полагает, не меняя серьезности и неподвижности лица. Только глазом скользя на сторону конверта.

Узлы развязываются туго. В платке толстая рама. Под стеклом грамоты. В грамоте написано, что товарищ Бакаев, заслуженный товарищ фермой колхоза им. Фрунзе, образцовый ударник Киргизии.

Стекло цело. Ехало четыре дня на лошади, один — на автомобиле и семь дней в поезде. Приехал Бакаев в Москву на колхозный съезд только сегодня, за несколько часов до первого заседания.

Что Бакаеву больше всего понравилось? Бакаев по-русски не говорит, ему поможет молодой, зовут его Хаджашев, он человек бывалый. Нежно взяв ладонь чрезмерно серьезного товарища в свою руку, он переводит ему вопросы и меланхолически рассказывает о его впечатлениях.

Впрочем, может быть и не меланхолически. Может быть эта давняя разговорная науа, ничем не шевельмое спокойствие лица — просто признаки хорошо воспитанного человека, который знает все словом.

Бакаев говорит, больше всего ему понравился клуб. Такого клуба даже в Ташкенте нет.

Гадью, какой клуб? Может быть тот, что в Доме крестьянина, может быть фойе 3-го дома советов? Хаджашев слезливо, но удивлен моей непонятностью.

— Клуб нравится этот, — обводит он местом помещене, где мы сидим.

Клуб — это Большой театр. Московская «красная юрта», только не из войлока, а на камне и в тысячу раз больше.

— А еще Бакаеву нравится, что каждый слышит, как каждый говорит.

Это похвала радиофикации.

...Сейчас колхозные ребята развозяют на лошадях, а мы ходили пешком и просили подаяния

Бакаев открывает блокюот, где латинскими буквами стопа слов. Он глядел на президиум, узнавая и записывая:

Сталин,

Молотов,

Каленин.

Приглядываясь еще, узнать было трудно, про себя мещал, и написал:

Ворошилов.

Еще на одного в усах догад смотрел, не узнал,

спросил, кто такой, и, получив ответ, записал:

Каванчук.

И остальных записывал одного за другим, спрашивая имени у соседей.

Нравилось, что люди были знакомые — с плакатов на стенах красных юрт. Также нравилось, что слог за привычно писались. Писать научился недавно. Причем не арабскими вырками, а латинью.

— А еще нравится, — добавил Хаджашев, — как рабочие колхозников приветствуют. Все равно как родные, если в гости приезжать.

И рассказывает Хаджашев уже про себя:

— Какой случай был. Пришел поезд в Москву. Стою в вагоне, боюсь на вокзал выйти. Крутом толкаться, место неважное. Бегит человек вагонами, кричит: «Есть тут колхозники-ударники на съезде?»

— Есть, — говорю.

— Кто?

— Я.

Он сразу цан мой чемодан и пошел. Я испугался, испугался с другой стороны: «Куда несешь?» — кричу. — «Отпусти чемодан!».

Он смеется: «Меня, — говорит, — завод послало не было встречать».

Действительно, ярская повозка у него на руках. Мне сразу лезло стало, рассмеялся, приняв руку, пошел за ним.

В вагоне пошел, кушать ладу, в комнату устроена, съезда доставил. Хорошо, когда рабочий класс о тебе, как брат, заботится.

А когда-то этого брата не было, а была бабушка, и песное воспоминание: я плачу, а бабушка деревянной задвижкой стучит в двери, чтобы я замочила. Ей нельзя встать и подойти ко мне, она тиет, сидит у входа в юрту. Бабушка же давала и ей и матери шерсть. В день ладу было сдать полтора метра тмляной уютой, как полотноце. Сделашь — дадут кусочек мяса, ком хлеба. Не сделашь — голодаца будешь.

Отец — малый. Малай — это не совсем то же, что батрак. Малай — и батрак и арендатор. Бай давал

...Зовут его Хаджашев

малаю землю — четыре га. Две лошади давала, оного быка, плаг и семки. Сдал малай пшеницу на половине зерна, на четверти — кукурузу, а еще на четверти — картофель, арбузы, дыни. Урожай выходил тощий, обычно с гектара пшеницу пугало 30. Если порываловало за 30, этот год запоминался.

Из собранного урожая $\frac{1}{3}$ бая бай, остальное шло отцу. А семья — шесть человек.

В дни сбора урожая пшеница стоила два рубля чайрак. Чайрак — это киргизский центнер. Получалось $\frac{1}{3}$ семье до ноября урожая нехватало. С весны уже приходилось идти к баяо, просить хлеба.

Он давал, только баяо 10 рублей за чайрак. И особенно за этот валютный чайрак отцу расписывали плагса пятая чайраками. Смет баяо на долги.

Мне было 11 лет, когда уехал в Москву, красногвардейцы брали Кремль. Жилым мы тогда около города Омь. Октябрьский переворот прошел городами, мы о нем не знали.

В 1917 году умер отец. Прото первого года у матери нас было пятеро, сам мы жмы хлопко пмы, траву ели. Меньших братьев и сестру владу ло, и они умерли, а я с матерью ходила по дорогам, просидя и только хлебом подвизни выжила. Но чина осталась на все существование того года.

В 1928 г. послала меня советская власть на курорт. Теперь толстой.

Осталась у матери и с братишкой, и ушла она с голодухой к другому мужу. Правда, соглашалась он кормить только ее и малайского, а меня к себе не пускал: «Пусть работает наступом».

Я нас овец бая Кулаба. Весною мне сдавали полсотни новорожденных яглят и говорили строго: «Потеряешь хоть одну, убьешь». Я из стерел, к вечеру пригоняла к юрте и там Заин-хав, жена бая, кормила меня лепешками.

Я не был виноват, но один баранчик слот. Вечером мы все сидели в баяевой юрте. Баям стот. Бай повернулся ко мне. Мне стало страшно: тот принес расчет за смерть баранчика. Но бай улыбнулся и сказал: «Ты, Андурбек, у нас хороший. Подойди же сюда и возьми хлеба». Я улыбнулся навстречу его улыбке, мне стало тепло внутри и ласково, и я шагнула навстречу куску. Я протянула руку, но он выдернул хлеб и, другой рукой перевадлив мою ладонь, стал бить меня сплоск короткой — палкой и ругать острыми словами, бить и ругать за то, что баранчик умер.

Короткой палкой своей он вбил в меня बहुत киргизскую поговинку: «Бай хороший, мне быть поможешь, а бедность — намывание божица».

Это было в 1921 году. Басмачи ходили по Киргизии. Бай выгнал меня, не дав ни кусочка хлеба, на ту же голодную дорогу.

Сейчас я большой, спокойный и образованный, но если ругнет меня кто «басач», а палатки могут вновь, и шевалясь палдым мои жестоко бить и даже убить за такую обиду...

Басмачи налетали, грабили. Советская власть стала организовывать отряды добровольческой милиции для борьбы с ними. Там было сплоск короткой барак около нас. Возле барака стояло я остановилась и простояла много дней, побравясь то обрезком мяса, то ломтем хлеба.

Стояла и прозякала. Золу промороженного барачного очага из-под котла, вбитых в землю, сплоск в завету, за комлатой. В этой завете, в теллой золе, я стала жить. Дышать было трудно, сухо, но зато тепло. Все зиму так прозела, выходя помириться на питательном пункте. Год голода был

тогда до 300 человек ежедневно стояли в очереди за кусочком хлеба и чайной порцией.

С шаша, я оставался около пятацкого пункта, снахв выприсот еще хлеба.

Однажды я стоял на дороге и увидел, что едет верхом Каймаков, председатель ревкома и начальник гарнизона. Каймаков был не киргиз, а казак, но он тогда был интернационал. Его любил больше киргизам и, разговорная друг с другом, гордился им. Он ехал от мильянского барака в Кашмаркындай—мое отделение. Мне было очень голодно, я оставался еще гримом плачем. Он не проехал мимо, хотя мало ли и в это время падало голодающих мальчишек на дорогах, хватая за стремени всадином...

Я кричал, что мне хочется хлеба, что у меня отит отит, а новая мучка моей матери не пускает меня в юрту и что бай был меня за барачника, а на пятацком пункте трудно получить второй кусочек хлеба.

Каймаков замолчала всё и сказала:

— Или за мной.

Он ехал тихо, мы скоро пришли в дом, он вынул сына, вела себя с собой что лишнее и строго и дава мне. А потом определял меня в детдом.

Так я понял, что такое «урнат». «Урнат» — это новая жизнь. Это то, чего никогда не могу иметь киргизам, если не было у него богатых родителей или хорошей работы, а вот я нас барачников, и я был сыном бая, но меня и еще 80 ребят кормили каждый день без пропусков и в определенной час.

Я не могу запомнить учителя, но учитель приходил каждый день, читал нам книги, рассказывал про новую власть, которая сделала «урнат».

Затем пришла день большого праздника, мы вышли на улицу, но не стадам, а строем, и я нес вперед знамя, а на знамени было написано: «Умарбай бай! Будет здоров, махаш!».

Я нос знамя, было весело мне и таким, как я. Но были в детдоме и байские сыны. Они выжили, как и мы, некоторые из них даже стали членами партии. Но не забывало, что они дети бая.

1927 год их вичества, припомню это. Кого не достигал тогда, подмалел в 1930.

— Наступил сытые годы. Детдом разбредся. Мне исполнилось 17 лет, и я ушла в батракя к бая Абуркуу Хусеюну. Пехла, косна, вола. Два года работала там. Хозяин давал мне есть, а еще в год одного барана и двух козлят.

В 1926 году, в базарный день, приехал в Кашмаркындай агитатор, татарин Галаулин. Встал он на трибуне и сказал:

— Сейчас власть у рабочих, у бедных и батраков. А руководят ими партия и комсомол. Кто молодой бедняк и батрак, или в комсомол.

Я комсомол не знала, даже слово такое редко слышала. Про партию мне рассказывали. Кто в партию поступит, тот будет молодец. Пошла в партию, и меня как батрака без инквита приняла.

Приехала к домой, пошла к матери в гости, а она мне дава «здравствуй» не говорит, плачет. Не хочет со мной сидеть, будто я чужой, будто я враг.

— Знаю, — стоит, — ты в партию. А раз так, лучше умереть, чем считать тебя в нашей семье.

А рядом «шаша», почтенный старик, бородой шевелит и готовится: «Кто будет в партию, тот будет «тертечи».

«Тертечи» — значил человек последнего разбора. Иных людей по сортам различал так: первый сорт — Шахы людей — русские, они нашу землю завоевали и в Аллаха-Мохамеда не верят. Ниже сортах — киргизы, они до русских мучили киргизы неволею. Третий сорт — плохих людей, не помню точно кто, может быть, разбойники. А хуже всех четвертый сорт — «тертечи», это партийный человек.

Мне стало страшно, что на меня и иншака будут смотреть, как на собаку, а мать родная к дому не подпустит, совсем один стану. Пошел я в комитет и сказал: «Вычеркните!».

— Но ведь ты батрак,—говорят,—твое место в партия.

— И не слушаю. Требую: «Вычеркните!».

— Что с тобой, батрак? Неправильно поступаешь.

— Вычеркните,—кричу, чуть не плачу.

— Не можем,—отвечают,—вычеркнуть: списки парторганы уже в Ош поехали.

Пошел я за списками в Ош. Немалый путь. Снова спросил: «Вычеркните», а мне ответили: «Пойдем, послушай наших агитаторов».

Агитатор говорил, волею, все объяснил.

— Я уверовствовал — не хочу быть «тертечи».

— Тогда или в комсомол,—сказал агитатор,—это легче. Про комсомолца «шаша» не скажет, что это «тертечи».

— Хорошо,—сказал я,—если мать согласится.

Вернулся в матерью юрту, спросил ее разрешения, и в комсомол поступить мать позволила.

Было это в 1926 году.

Вот я киншадный активист. На заседаниях юрку. Когда ораторы говорят, замечания вставляю, подробности добавляю, которые оратор пропустил.

А главное, про бая, когда о них разговор зайдет, все до мелочей рассказываю. Работы нечужо в склском «шочки» — комитете бедноты. Работа без жалования, но интересно, и работаю с таким усердием, как ни одному бая не слушая. Никогда у бая для меня отрезка хлеба не было, а когда активистом стал, не только у них для меня хлеб нашлось, но и деньги.

— Ты, Ашурбек, хороший человек,—сказала мне бай, про которого много злого говорилось на заседаниях «шочки».—Тебе денег, небось, нужно?—И, не дожидаясь ответа, положила мне деньги в карман.

— Лады.

На другой день и поехал в район, полагая, что стоа денег и сказала: «Этого бай надо раскулачить». Шла земельная реформа, у зажиточных отбирали землю и сют, отдавая бедноте, оставлял для небольшой клочок, где бы он без батраков работать мог. На этот клочок налагали твердое задание.

Перевел меня в партию. Тут уже я мать не спрашивал. А бай после истории с деньгами меня боялся и стороной обходил.

На собрании сельсовета я говорил о раскулачивании. Поднялся тогда бай Кулбай, баснула у мою сторону и воетм укавального павца и галом: — Я тебе воспитывал, и отцу помогал. Как тебе не стыдно!

Освистел я:

— Ктом стыдно? Мне стыдно? Тебе стыдно! А я от тебя, в пастуха ивучу, хоть кусок хлеба выделю? Плачу свою спроси, кому должно быть стыдно! Дядя не хозяйств твоих спроси! Один побой и от тебя выдел!

Хороший был год—1927. Дни в этом году больше были. Осень думать весело было. Тридцать баяв я в киншаке раскулачил; и тех, у кого отец малым работал, и тех, у кого сам я вступком слушал. Бая Кулбай тоже.

Киншала земреформа, дава мне комиссия почетную грамоту и посылала на учебу в совпартишколу. Вес 1928 год прочулся.

Кстати, до школы женился я. Юрты наши стояли рядом. Знакомы были давно. Как-то перепутались, потом перемогались, потом стали остережаться, стояли подолгу, разговорились. Но отец се был против меня. Старая голова у отца се, старая жизнь. Хотел даже за ба выдать. Красивая, тохар. А она ночью прибегала ко мне и плакала, не дожидаясь, пока заремет киншак, прямо в загс.

1929 год пришел, замечательный год. Еще

лучше скажи дни, еще сильнее волею. После школы был и секретарем сельсовета. Строил кохоз в киншаке. Мне веряли, и был я chief после партийной комиссии.

Большой был в наши края временки и фабрикал, бежал он в басмаческом времени, пойман был и расстрелян. На его-то земле и организовал колхозик по имени «Кыла шарк», что значит «Красный восток». Это было в 1927 году, начал мы с 60 человек. Коллективизация шла через кров.

Три активистов убивали известные баями банды.

Встретил меня батрак Анем, оглинулся кругом

и сказал:

— Тебя хотят убить. Спрячься.

Эту ночь и тутую, когда за мной приходили, я не почевала дома.

Пришла осень—уборкаготовили. В одну из поелон басмачи убили предрица, и получила я приказ от районного комитета вступить на работу председателем районного исполкома.

Три года проработала предрицом. А в 1932 г сезд советов Киргизии сделал меня членом правительства и заместителем наркома земледелия.

Но быть земпаркомом—значит много влять. Надо учиться. Поехала я в Москву в академии социалистического земледелия и вот ужасно грустный, не приняла. Во-первых, ма партия, во-вторых, выдвигеное, еще немного работала на руководящем посту, в-третьих, мал мой возраст. Когда партия и станет мне тридцать, тогда пожелайста.

А как я хочу учиться!

Думая, и думая, я думая ночью про школу, все равно мне про хлеб думала в годы, когда стока на голодной дороге.

П И Р О К И

Первый урок в этой школе был прочитан ночью августовского гудка. Августовский бой со семнадцатого года в Питере, за Невской заставой, раздался тревожным гудком.

Это был значный голос Невского машиностроительного.

Од был знаком металлстам и текстильщикам всего района.

Этот голос отдавался шепотом и шорохом в комнатах «живущих домов», где война к войне спали рабочие семьи, и черепом спичек, и дивном ружейного затвора.

Металлстам и текстильщикам бежали берегом Невы к заводу, оставались, задерживали голодом — не горит ли где? Но в лебе горели оды других заводов.

Во дворе Невского завода на груде досок стоял человек. Вооруженные винтовками заводские парни окружали его. Поднял руку на изгородь голод и винтовки, человек затворил (его звали Пэзери; он был большевиком):

— Революция в опасности, — сказал он ясно и жестко, и его усманила задние ярем толым. Военные отряды генерала Корнилова надвигались на Петроград.

На «равнинные» плаги на Марсовом поле, на многолетние рукописи «Истории заводов», ни впечатление за плотою достала лет фотографии не зацеплялись всех людей, что «выстраивались в тучь в длинные хвосты на заводском дворе. Они подползали к столбу, за которым при свете свечей записывал их фамилии упомянутый не красногвардейский отряд.

Среди этих людей было немало пятнадцатилетних, шестнадцатилетних мальчишек из котельной мастерской Невского завода.

Так началась учеба в школе.

Второй урок отпирала в Октябре «Лявора».

Третий был прочитан спороговорной пулемета, косившего конекор и казавок.

Отчим начинали с листовки Ленина, переписанной печатными буквами Иваном Бабушкиным, рабочим механической мастерской.

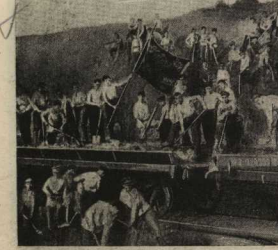
Со слодке в комнате Фунтиков, тожора Невского завода (Фунтиков зимой и летом носил потертый выдубка и штиблеты на босу ногу и был арестован маждарамы за крахиение рукописи «Что такое товарищ»).

С занкием в Смолских классах, знаменитой всецелю-мозерской школе Невской австам, где пять лет учительствовал Надежда Константиновна Крупская, где между названями рек и городов вспыхивали слова «революция» и «советская демократия».

Дети всего этого не знали.

Они начали сразу с «грамматики бол, языка батарей».

Лицмерие государственного строя, обривавшего их на голодную смерть в деревни, требовало обязательных 15 лет для поступления на завод.

Обросли рубахи, грузили песок

Но они хотян есть, они бежали из деревни, поделавши пашпорт, поступаем в котельную, где стола даский грохот, попадаем в руки к старшим, которому было налезать — 12 им лет 15, — лишь бы бежали за кинигтом и подавали залепки одиннадцатый часок подоря.

Мальчишка мечтал о «пророздке» в механическом мастерстве.

Но дорога к станку аскала через ад котельной. Мальчишка требовали надбавки к 23 копейкам дневного заработка.

Но дирекция завода грозила отправить всех на фронт.

Тогда подростки начали создавать организацию для защиты своих интересов.

18 июня 1917 г. мальчишки Невского завода провали с большевиками по левой стороне Невского проспекта к мазугамтам: «Война — война», «Долой 10 министров-капиталстов». По правой стороне проспекта шла демонстрация меньшевиков.

У профессионального революционера-большевика Федора Аукца Захарова младший братишка Вася работал на Невском заводе.

Старший брат поручал младшему распространять большевистские прокламации.

Вся их семья была большевистской — мать, братья, сестры.

Вася Захаров стал вожаком заводской молодежи. Он был старше своих товарищей не только по годам. Очень рано поступил на завод, он научився за первые годы рассовывать по станкам листовки. Он умел светлыми снимать с работы народ. Его закидывали гаиками и грозная прирзат, чернотосици.

Захватив помещице мануфактурной лавки Соколкина, подростки превратили ее в склад оружия. Его привозили в коробках из-под ступенного молотка. Вася Захаров сел на них и своей тризносил, с подшитыми локтями вахца. Здесь же длевал и почевал кошке голубоглазый Каники, сын ткача с фабрики Максела, и алкорядочно возбудивший курьявий Журова. К ним присоединились «сторе краснотосици», — трие заводские пареня, запущивших длинные волосы в знак своих революционных настроений. И сюда же приходил старший Захаров, «батяшка», в своем дилеком, всегда расстегнутом дратвом пальто и штурм шляпе. Он поделывал задания большевистского комитета.

В дом кориндского метена и черума Зимнего отсюда получали винтовки заводские красногвардейцы.

Опасливые пулеметными лентами, шая зашищать революцию.

Меньшевицкий журналист Дневничный писал о них: «Настрочу войскам послана Красная гвардия — дети, мальчишки пятнадцати, семнадцати лет... возмущают господи Дневничный на страницах пехловской газеты «Единство». За что полюбил это молодое рабочее племя, что будущее пролетарского движения?»

Дневничному отвечал Вася Алексеев. Этой молодой большевик вместе с Петром Смородиным и «председателями» Петродовичем и Федотом РСДРПС) сколачивал в августовские дни семнадцатого года Социалистический союз рабочей молодежи,

к которому примыкали подростки Невского завода.

который послал приветствие голумно Ленину.

Этот союз разрастался в школу классового воспитания, школу политики, школу борьбы, — и владомой армией и пнемом звучал строкля Алексеевского ответа меньшевикам: «почему не обияается П. Дневничный на заводских заседаниях, которые скрались за «неприятные» взгляды гает «Единство», «Дело народа и др. обелизничивались в «Комитете солидарности Корсаковского»».

Поа в захваченном молодильно маталичишке бы, покарят шеу кой от вобам.

При свете единственной лампычии должили по-

Они начинали с «грамматики бол, языка батарей»

чати тигулиши свирные и бестоякоме аслугны на темь: «адажиризм», «почему я не коммунист», и тут же учитель русского языка Зверинцев рассказывал о Марате и Шарлотте Корде, и тут же читали «Мальву» Горького и «Красную газету», и длевали хлеб, и высмывали в ободы, и, прислушиваясь к тревожным свистам, хватали лопаты и вымодили очинять заводские пути от завосок.

Шел восемнадцатый год, девятнадцатый, и все безудачно становилось в райкоме, все рече читали вслау.

Ушел на Югачева с самодатной родой ПК РСКС кошкой голубоглазый Валя Каники. Он же заветная телеграфного столба вперед, налетел на него и распилло. Но в конце концов научился едлить.

Самокатича носил службу связи, арестовывали сыктельных перебежчиков на финской границе, но они еще плохо стреляли, а революция требовала умения

узнавать врата, — и они разбирали винтовку в вагонах, на привалах, между очередной операцией и политбеседой.

Организация становилась школой вооруженной защиты революцию.

Мимо завода, по развороченному Шанссальбургскому тракту (тротуары пошам на топыло) маршировали отряды всеобща.

Девушки Невского завода раздобывали марало и учились дельать перевязки и проваляли ребят на фронты

на Юденича — Храповицкого, Журова, на польский — Ежова, Некрасова, Маслова, а Васяка Захаров был послан с пролетардом под Сивбирск и там грузил для завода хлеб и орга-низовывал комбеды.

Его судьба была типичной судьбой комсомольского активиста той эпохи. Вернувшись в Питер, он едва успел помниться в банк. Его отправляли за углем на Украину, а потом мобилизовывал на фронт, а второго октября 1920 г. заминивший, в драмной шинельке он сидел в вероленном зале на Мулой Дитрошке в Москве

и слушал речь Ленина,

и внес предложение о посылке одеждою ребята на фронт.

После П. с'езда Цеккома командировал его в Баку. Письма из Питера не доходят до Захарова. Его уже перебросили на работу в Бухару, а потом в Ташкент,

и письма не доходят, и он не знает, что Володя Ежов ранен легионерской пулей,

а Коля Баззалов заслужил орден Красного знамени на аду под Кроунштадом.

3

Каменщики сидели, стуча молотками, посреди их шосс.

Снежеобрутанцы доски ложались заплатыми на дриевой тротуар.

Безмолвный Невский завод медленно поднимал к небу первый столб дыма.

Младше братишки тех, что опоясывали пулеметными лентами, шныряли в вустых щелках нулевою закоисерированного завода. В гармажах

у них торчали сверла, резцы, калачи. Они снимали чести станков и, шихта, тащили из цеха. Они выносили ящики и в кату котельной мастерской, а из школьной скамьи. В 1921 г. революция могла идти только волюшкой хлеба и душой скелети. Все остальное — инструменты, книги, доска — было надо добывать самим.

Первые серьезные бои происходили весте, не с юнкерами и генералами, а с баншистами, захватившими помещицу бывшего кино «Комин». Комсомольская группа из отступа, как строила братня актуария торговца Сорочкина на его заводе.

Но вместо слова оружия комсомол организовал теперь клуб.

Уже не у трезвонили, свозов вноу, свистком призывали комсомольца.

Их завстава настораживали бархатный злон церквн «сборщиц былого матери».

Не вингови и не лопаты хватали они, а тестера борозды, лямки, атоматые парики и картонные кресты, чтобы с блеском разгнать анти религиозную пещку в переполанном модаезде клубе.

Иду-факир превращал обыкновенную воду в красное вино и тут же разбавлял сие «чудо» в своем саба, так как это было вино не идуе и не факир, а курносый Лешка из ФЭУ. И этот факир признавал публично не верить поповским «чудесам», а жить химией.

Но она не произносила речь, в дверях клуба выкатывались развивные молодые люди. Они гоготали и выспыливали дыряги прямо в лицо посетителям. И чтьт крик — сразу хватались за финки.

Комсомольцы, выросшие: ФЭУ, воспитывались в борьбе с мракобесием и хулаганам. Их оружие жала винные туманы ильи. Сын торговца пролегал рожу в петашу повзрослого сыдлака. Не шпесе отгромались давки и пинные.

Они многого не понимали. Завод был едва загружен, и часто квалифицированных ребят переводили сто станков на черную работу. Потом умер Владимир Ильич Ленин в январский день двадцать четвертого года. Его имя дали заводу.

В день его похорон двенадцат лучших комсомольцев вступили в его партию.

В 1925 г. зинновская оппозиция сначала чала борьбу против партии, против Ленина и его учеников.

В дни XIV съезда оппозиция имела своих агентов на многих заводах Ленинграда. Они работали на таких агентов оказались секретари комсомольского коллектива Невского завода Сердолохи.

— Иду в цеха, скоро вернусь, — торопливо, отворилу лицо, сообщила Сердолохин секретарю комсомольского бюро Саше Минякову. Сердолохин был другом Минякова. Но Миняков знал, зачем идет его друг в цеха. Миняков сигналь трубку:

2-й механическая? Сейчас придет Сердолохин агитировать за оппозицию. Встретите его и штыки.

И так обвиняла все цехи.

Миняков Утомский, Завалов, Тарасов были комсомольцами-коммунистами. Собирали собственную кучку на собрание районного актива комсомолов, организованное зинновцами. Под крики и свиста неслись ребята предельная революция против ленинградских делегатов на съезде в Москве. И хотя резолюцию тогда провалили — ребята удались расколотье собрание.

Борьба с зинновцами, а потом с троцкистами была большим кризисом, школой политического закалки для второго комсомольского поколения Невского завода.

Троцкист Рубинский заявил на собрании, что комсомол «не имеет лица», «не знает, что делать» — но комсомол знала, что делать, выбравшая Рубинских из союза.

начавшая борьбу с программами и порчей стабильности

заявился автор комсомольско-стрелочника за аварию груза на заводском дворе.

комсомол знала, что делать, послала десятки ребят на рабфак и вчерные цеха...

И ребята уходили на штурм этой крепости, и девушки провожали парней в Москву, Сардоловск, Харьков.

в Электротехнический — Колю Тарасова, в Физинский — Сергею Утомского, в Литературный — Сашу Минякова.

и сами уходили: Даян Лебедева — в Машинностроительный, Женя Дуплякина — в Горный и в десятки других институтов и академий.

4

Книга заводов Невского машиностроительного завода им. Ленина войдет в печать только в будущем многолетнем издании «Истории заводов».

Пустые страницы в 1919—20—22 гг., когда на фронт ушли основные кадры рабочих. Свояз восту этих страниц мы видим погрязшие слезами земли паровозы на заводских путях, хладе деревья, проросшее у топки комоматы, слышим крик трачей, залетающих сквозь дырявые крыши в цеха.

1924 год всплывает в книгу заводов первые абзацы. Стране нужны хлопковые прессы для казачьих и сульфатные барымаки для текстильных фабрик Иваново.

1928 год оказывается паровозом.

1930 год — судовые машины, компрессоры, стальные и чугунные литье.

1932 год — сложнейшие воздухоудержки для домен Азовстала и Кузнецка.

1933 год — бестендерные танкопаровозы для гиталийских индустриальных очагов Востока, возникших в первую пятилетку, с их густой сеткой железнодожных путей.

В 1920—21 году фабзайдем тащили инструмент из цехов эвакуированного завода.

В 1922 г. они, сбросив рублук, грузят песок и лед на заводских субботах; толкают ледчон вагоном и мертвые паровозы; роются в железном выносе, выисывая нужные заводу части.

В 1925 г. фабзайдем садают первую пробу. В безмянничной комсомольской сталелитейной мастерской, рискуя бить на авариях на чашах, вытаскивает на шихты снаряд. Его поступок предостерегает вария мартовской печи. Дамливо этого комсомольца забьли, не придав факту большого значения.

И уже в ноябре 1929 г. петитом в заводской газете «Момент» —

«мы, бригада меднолитейного цеха, в составе пяти человек: Пискунов, Беричев, Жидков, Арбузов и Лукин, с 1 ноября с. г. об являем себе ударной и вторично сильней расценки на всю работу на 5 проц.»

Это была клязь первая пятилетки.

Страну всколыхнуло.

Огромные человеческие волны перекатывались через горюха, заводы, стройки.

Сотни новых лиц, плеч, колок, улыбок мелькали в цехах Невского завода.

Но второй год пятилетки состав рабочих на заводе изменился на 47 проц.

Парток и комсомол призывал рабочих записываться в красную гвардию пятилетки.

Одним из красногвардейцев был Женя Пенкин.

На заводе Пенкин приехал в красной транспортной. Ему надлежало плавать на баржах и барках. Он имел специальность слесаря-машиниста и понимал капризы судовой машины. Ему было девятнадцать лет, и у него было широкие бицепсы и узкие плечи, как у Невской заставной, и ему надлежало плавать на баржах по медленной срой Неве. Кроме того хотел научиться по частям собирать судовую машину, а Невский завод как раз начинал их выпускать.

Биография красногвардейца 1930 г. очень непохожа на биографию красногвардейца 1917 г.

Вяса Захаров в семнадцатом году мечтал стать топором по металлу и строить паровозы. Но ему позволили только подвезти заказки в трюке извольной мастерской.

Женя Пенкин в тридцатом году хотел научиться собирать судовую машину — и его оставили на судовой судовой машины.

Сначала у него были несложные операции: укрепить махелу, приспособить индикатор.

Но Пенкина волновала тайна паравоса: желалось ли ему узнать тайны паравоса?

При сборке восьмой машины мастер Алик разложил ему установку золотника.

Пенкин научился разбирать золотник. Теперь он был выстроившим машину.

И как-то подошел комсомольцу Базельский и сообщил, что организуется молодежная бригада в то что они будут выпускать машины без станков, а бригадиром хотят сделать его, Женю Пенкина.

— Идет, — сказал Пенкин.

Первую машину они собрали в 14 дней вместо обычных 25 и сдали в полтора дня вместо обычных 4—5.

Пенкин жила на дачной окраине Ленинграда, дача в Новой Дереве.

Он возвращался с завода посреди пустыми травмами.

Большой точности требовала работа. Оказались в вымадре доуховой машины обжарившая ступа.

С семи часов вечера до двух ночи бригада искала прожаренный ступа.

Пыточка в 14—15 миллиметров на середине цилиндра породавала этот ступа и пороживой коробке.

Мистер приказал выбить пыточку.

До утра не было куегит.

Резолюция требовала работы без брака.

До утра не было куегит. И на палец и на шест стогнали кромки.

Женя Пенкин многому научился за дни и ночи уздурного квартала.

Он вступил в комсомол накануне IX съезда ВЛКСМ, когда они гитал уже седьмую машину.

Он собрал с бригадой одиннадцать 15-сантиметровых машин и три 650-сантиметровых, победил в соревновании бригаду старика Павлова.

Окончив ФЭУ комсомольцы Базельский и Будрик научили его составлять графы на станки — пому, когда какие подвезти детали.

Из Пенкина вышла не полнотракторный, как из Захарова, а заведомо.

Будрик и Базельский стали плавниками.

Миняков паскалявал редактором «История завода».

Дуплякина похал инженером на шахты Караганзы.

Харьковский освоил Копаловцев.

Тарасов получал диплом инженера-электротехника.

Сергеев пошел в военные летчики.

Утомского послали в Сибирь в полнотрактор.

Из цехов своего завода они перешли в тысячевостные цеха страны.

Предсложно освоить необычайной сложности машину. Многогранная и сверляющая, она отравляла в своих плоскостях элесь полей, синеву неба и черноту иду.

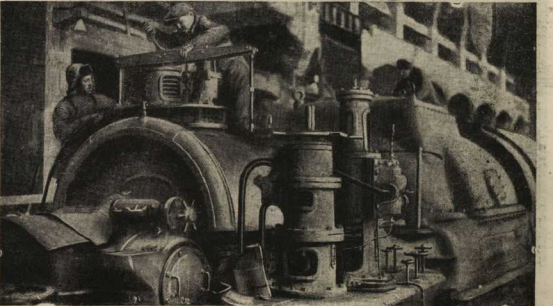
У нее были тысячи рычагов, колес, поршней.

Управлять ею могало только уверенные и способные люди.

Эта машина называлась государством.

Летательный хор страны, где свистят паровозы, рожокт тракторы, трещат арифмометры и жуужат бесшумные самолеты, —

могут ли летать хор заучива в той школе, где первый урок был прочтен басом заводского гудка в августовскую ночь семнадцатого года.

...Им доверяли сложнейшие машины

КОГДА ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ

Выходит на дежурство техника Днепрогэса

Миллионы комсомольцев спешат на голоса гудков. Настает один из дней второй пятилетки. Миллионы комсомольцев начинают работать на всех участках социалистической стройки. Чертежи бесклассового общества развернуты перед ними...

Нацеливает теодолит студент-практикант, занятый планировкой Магнитогорска

Выгоняет отару овец лучший чабан овцеводческого совхоза «Гисса» — молодой Гани Сейар

Становится к штурвалу комбайна комсомолец Саид Анриш в колхозе «Борцы коммуны» Советской МТС

НАД СТРАНОЙ СОВЕТОВ

Вонзает в угольный пласт пневматический бур комсомолец Бирюков, пригварзанный ударник центральной штолны в Прокопьевске

Бредет по тайге по сваленным деревьям, заменяющим мосты над быстрой речками, Коста Подгурский, прантмант Гидромета, исследователь и охотник

Укладывает больного под лучи кварцевой лампы молодая санитарка больницы им. Яковлева

Ловцы выбирают из сети запутавшегося дельфина из берегу Черного моря, в Ялте

„...Вторая пятилетка, если она хочет рассчитывать на серьезный успех, должна дополнить нынешний лозунг нового строительства новым лозунгом освоения новых предприятий и новой техники“

(Из резолюции январского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б))

Берет пробу из котла с супом комсомолец Петров, лучший повар столовой прокатного цеха Керченского госметзавода

КОГДА СОЛНЦЕ В ЗЕНИТЕ

В лесах Архангельского района рубит импортный лес комсомолка Вера Коротних, ударница лесозаготовок

Еще севернее, на льдах Белого моря, ее товарищ убивает тюленя

В этот час в Москве в лабораториях физико-технического института им. Ленина садятся за микроскопы студенты...

А слесарь с завода Ильича, работающий в вечернюю смену, тренируется и предстоящим состязаниям

КОГДА СОЛНЦЕ СКЛОНЯЕТСЯ НА ЗАПАД

Пригоняют стадо в колхозе «Путь к социализму»..
Иномосюлка Елисеева начинает доить коров

Редактор многотиражки «Штурмовик» просматривает последнюю корректуру

Выходят на вечернюю вахту краснофлотцы, поднимая воротники бушлатов...

А в Парке культуры и отдыха гремит веселье и кружится в пляске лучшая плясунья—Дуся Иванова...

была фашинами. Пусть лучше друг друга молят, чем сообща разные пакости порока затевают.

Коренстай парень говорил с полнагорными людьми не только о заводских делах. В начале 1917 года решил созвать собрание главнейшей кулацкой, чтобы поговорить о том, куда можно податься от нищеты, от скуки, от безнадельности...

Собрание кулацкое не состоялось. Для многих молодых рабочих нашлось чем занять время в начале семнадцатого. Далеко клуб двусторонней императрицы ажурился. На Петроградской стороне громади коммандатуры. Отсылали и задерживали шпиков и жандармов. С убогимым бежала ребята делать какого-то человека. Это был пристав, у него дергалось лицо.

Коренстай парень организовал в это время рабочую коммандатуру, куда возвал заводчиков. Полнагорные люди, с которыми он имел связь, были большевиками. Были кулацкими помогли ему организовать питанье для востановивших солдат. Мобилизации на германский фронт парень не подумал как квалифицированный мастер главных инструментов.

В феврале семнадцатого его избрали председателем заводского комитета. Рабочие начинали в это время прибавить завод к своим рукам. Работать у станка парню было некогда, он становился профессиональным революционером. Ему исполнилось 20 лет. Три месяца он не получал заработной платы. Работать у станка парню было некогда.

Членом партии большевиков он стал в апреле семнадцатого. Его послали в избирательный комитет большевиков. Шла выборы в районный совет рабочих и солдатских депутатов.

Слова стали собираться ребята, которые слушали лекции по анатомии человека и по истории царей. Душный гнет, нищета и эксплоата-

ция толкали молодых рабочих к организации. Они решали и острее воспринимали жизненные явления. Коренстай парень — член партии большевиков — вошел в юношескую организацию «Труда и света».

В первые дни он прислушивался и приглядывался к новой обстановке. Руководящий активист Шевцов, дружелюбный и приятный малый, охотно беседовал со всеми, ходил даже со многими в обнимку, говорил о чуждом их положении. Но когда один из ребят говорил о партии, торопливо отвечал:

— Нам надо стать кулацкими, а потом о политике думать...

И еще услышал коренстай парень чуждые слова Шевцова о долге всех славян помогать друг другу. Эти слова произносились среди молодых людей, которых эксплоатировали капиталисты разных рас. Эти слова не были случайными словами.

— Слыхнул песни, — сказала коренстай парень. — нас гардемарины чистой культурой хотели кормить. Поведа гадов не мадам, никакой у нас культуры не будет...

Это был непрямичный протест для Шевцова. Он возмущал его. Но дело тут пошло дальше обычных протестов и возмущений.

— У нас свои цели, — говорил Шевцов. — мы не партии, не можем мы вникать во всю эту путаницу...

— Ничего, зато юнкера вникнут, они нам вникнут по первое число. Стоит только уши развесить...

— Но молодежи не чужд политический борьба. Нельзя варяжски тащить ее в кровавую кашу.

— А кровью харьить в мастерской лучше?

— Это безобразная демагогия. Ты еще что-нибудь предлагай...

— Выборное право потребуем для всемирно-государственного.

— Это уж ты загнул...

— А на войну брать детей — не загнул?

— Шевцов, вначале сговорился, все больше рассказывал во время таких разговоров. Он поворачивался кругом, отыскивая глазами союзников, но все чаще отступала голова глаза под его взглядом. Все чаще на его губах отпечатал хмурой серьезностью. А коренстай парень выслушал с удовольствием.

— Сколько денег у буржуя Нобеля получал?

Коренстай парню приходилось говорить с ребятами в глаза на глаза. Многим из них не было ничего докладывать. Эти ребята бывали в вечерние часы в «клуберальном клубе» на левых по анатомии. Они оставались после эти лекций на тихих чашках и на громких шпорок. Они разговаривали по вечерам о великом волевым переделе большевистских листов.

Коренстай парень не был одиозным. Крепкой болельщик, Вася Алексеев был Шевцова тем же оружием. За Алексеева анатомия работала.

Шевцов возмущался все сильнее. Он говорил, что не может работать с опасными демагогами. Он говорил, что если кому не нравится программа «Труда и света», то силой организация не держит.

— Чорт вас дер с вашей культурой, — отвечал ребята, — Платонем, удем...

Но коренстай парень уходить не собрался. «Труда и света» была по составу пролетарской организацией. Буржуазно-кулацкому прогрессу и тактику шло было מאוד изумири.

— Молодежь не хочет политический борьба...

Над повидом широкой эксплоатации поднималось исправное большевистскими молоде рабочие на революционную борьбу. 600 ребят завода «Дюроа» и «Крестынской фабрики» потребовали весь голос: «Шестичасовой рабочей день», «Выборное право всемирно-государственное!», Молодежь, «отвергавшая политическую борьбу», кулацкими записывалась в красную гвардию. Они понимали, что культурную жизнь можно заковать только с оружием в руках.

Программа организации «Труда и света» становилась пустышкой. Между руководящими и массой образовалась непререборная грань... Коренстай парень стал руководителем «Труда и света»...

50 процентов организации вступило в красную гвардию. Большевики вырвали из красную молодежь... От Надежд Константиновны получал коренстай парень указания.

На первой городской конференции социалистической молодежи Дрягова провозгласил с резолюцией, составленной по старым рецептам организации «Труда и света». Конференция голосовала за резолюцию большевиков: защищать до конца пролетарские интересы, экономические интересы рабочей молодежи, развивать классовое самосознание, работать 6 часов, запретить подросткам ночные работы, забрать власть у временного правительства, готовить к Октябрьской революции, завоевывать под руководством большевистской партии работу молодежи...

Шестой съезд партии окончательно определил сложней и героический путь рабочей молодежи.

Коренстай парень почти не изменился. Пятнадцатилетиями не оторвал его от рабочей молодежи, не сдвинул его сузили и упили. Героический путь от рядового до комиссара 170-го полка. Орден за боевые заслуги. Бесподобность к врагу и чуткость, мягкость, неслышно в отношении к товарищам по классу. Боевое руководство фабриками и заводами города Ленинграда... Вот такой же, как и в былые времена, с уверенными движениями и чуть напешленным взглядом, поднимался он на трибуну.

— Молодежь хранит в себе огромный запас революционного интуитивизма, и его-то буржуазия пыталась извратить из кулацкичества, что отвлечь молодежь от непосредственного участия в революционном движении... Не нужно думать так, что все было красиво: глаза сияли, и люди умили... Нет, было горько. Все шло умирать за революцию, а интуитивной выдала пламя. Витому мы изучали не так, как же изучают сейчас в кружках Осоавиахима, а в вагонах по дороге на фронт... Наша молодежь сейчас живет по-иному: не спит ни полой и не ест «варьи галочки». За это мы боролись под руководством партии и безмерно пережили все трудности. Мы знали — наша дорога верная...

— Мы идем по вторую пятилетку... Нам надо так работать, чтобы каждый комсомолец стремился отдать свою жизнь за дело пролетарской революции... Надо готовиться к схваткам с капиталом, надо жить воемном деле... Умереть каждый дурак умеет, а драться как салдут и дорого жизнь отдать, это нужно суметь...

Этим коренстай подростком был Петр Смородин — нынешний секретарь Выборского района большевиков и кандидат в члены ЦК ленинской партии.

Члены боевого отряда Петроградского комитета РСММ в 1918 г. перед отъездом на Гдовский фронт. Второй слева — Петр Смородин

ИДЕСТЕР

Дадим стране ты-
сячи комсомоль-
цев-мастеров ин-
дустрии и новой
культуры

По неписаным законам латвийского крестьянства хозяйство отделят старшему из сыновей.

Отец Муйжника был маляшким. Сын батрачки и камонщица—Муйжик родился в Вильяве в 1906 году. Бесоре отца звали в армию. Словом турки детства лет Муйжника помнит колючие прикосновения отцовской щетки и набульеные слезами глаза матери. Больше он его не видел,—в начале войны отца убили. Его жалкие оцены в 8 рублей месячной пенсии. На каждого из оставшихся ребят это вышло по 1 р. 14 к. Уехали на родину—в Латвию. Там батрачала мать, батрачила старшая сестренка. Муйжнику было 6 лет. Он пас овец.

Приближался фронт... На дорогах скрипели телеги беженцев... Оглядывая страна раскрасила карту. Мать была неграмотна. Глотая комки слез, застрявших в гортани, худая высокая женщина, негодующая под удары судьбы,—она одна вглядывалась в непонятную ей карту, где слагались реки и крутоясы стоны города. Сестра назвала Вильму. Мать согласилась. Вильма—так звали! Здесь матери удалось устроиться на железную дорогу. Сестра поступила на гранитный завод.

Венчрами топянойкой, востужити мальчик выходил на стадию с норжонной семечки. Над путями валаста дува. Громылая и алягала, проносилась зыбонима. Иногда они останавливались. Тогда распахивались двери теплушечки, и серые шпильки наводняли стадию.

В тачке везера корюжина вместе пухила и мальчик бродил по путям, вызывая окрикт улитеров. Потом, как обычно, слышався сигнал, и паровоз стравлялся в палвужущую тумань, уносил с собой влохот гармоний, запах сапог, бормозание дула орудий и печальное, узорчатое вглядан лошадей. Война продолжалась...

Октябрь прошел почти незаметно. Где-то далеко тикали пулеметы... и незобычно пуста была рыночная площадь.

Через год сестра вступила в комсомол. Помини-ся, как мать заблуда бе озляндан. Сестра алгидла спойной, покамест мать хлостала ее обривонной перекки. Потом она истала, посмотрела на задохнувшуюся в тишине мать, покачала головой и ушла на собрание. Мать плакала. В сумерках она казалась совсем старой. В комнате было полутемно и тихо. Где-то гуляли паровозы... Муйжник легла, уткнувшись в подушку. Жалостно, к матери боролась с обидой за сестру. Потом он уснул.

Уже будучи в детстве, он попал на один из комсомольских субботников... Покрустывала под ногами снег. Дым паровозов стремительно шел вверх. Разгрузили вагоны... Иногда вспыхивала песня, но утасала, потугенная морозом. Работал морозном тумане, плавало солнце. Здесь Муйжник впервые почувствовал комсомол как нечто конкретное. Ощущение коллектива, ощущенное им на субботнике, навсегда врезалось в память.

Многим обаявшим ребята из детства т. Боевскому, работнику вильсонской ЧК, портному по профессии. Было ли это его изтужной или приходила он по собственному почину, но только промышленные стены детства часто видел его сутуюлю фигуру, неторопливо поднимавшуюся по лестнице.

— Боевский пришел,—облетало детство, и группа ребят собиралась в одной из спален.

Обычно в спальнях было холодно. Вместе со словами из рта Боевского вырывался пар. Потирая замерзшую ладонь (штанку он почему-то обязательно снимал), он говорил о Ленине, о войне 14-го года, о революции. В маленькой комнате детства рождалась картина будущего бесклассового общества. Старый большевик, чистый в портной, он ухватил ребят мечтой, которую проносил через всю свою трудную жизнь.

В то время плохо работала вострактация. Иногда свет потухал. Продолжая говорить, расквашива в темноте Боевский. Ребята сидели, не шелохнувшись.

В комсомол Муйжника сначала не принимали—была слишком мала. День, когда в уюме связали, что он принят, было большим днем его жизни. Было это и 20-м году, когда голодала Повеале и пакеты призывали бороться с вошью. В 21-м году в день Парижской коммуны открыли профсоюз. Сюда перешел из детства Муйжник. Бесоре он с двумя товарищами комсомольцами отправился в Москву. Москва поразила многообразием, громышным трамваем, витринами магазинов. Оживал адвокат и зубные врачи, хлопали двери ресторанов, унитаные «дяди» требовали извозчиков... Был инт.

Сестра уже училась в Москве на баффане. Не-которые время пробыла у нее. Она жила на Острейке в одном из особняков, закрытых деревянныи сада.

Сирепели телеги беженцев

Трое высоких, грубыхватых парней треножили по той особняку... Пыхлохмыли чинивый ящик у полв-едели... Усмехался, гаделан в старинное трюмо в при-седане... Их проводила шпидая любознатель и свободная полатке паче уютоненных обитателей особняка.

Крепко запомнилась ЦИТ. В 27-м году, работая на временных работах, он прошел бенефицирные курсы ЦИТ для слесарей.

Здесь он впервые задумался над трудовыми навыками, полученными до сих пор.

Экономия времени, движения, энергии; взаимное рабочее место, высокая культура труда—все это да ЦИТ. Приниженное с Запада слово «рационализация» расширилось здесь рядом простых вещей.

Двадцати одного года до оуау он увлекся рационализацией, так же, как увлекся бегом и прыжками в воду. Он читал брошюры об организации труда в капиталистических странах.

Патасла одолеть какую-то толстую книгу о гигиене умственного труда.

Трудовые навыки, полученные в ЦИТ, незаметно отразились в быту. Он стал немного педантичней. Говорил по комнате посмеиваясь над ним, тогда, раздалась, он методически укладывал вещи так, чтобы одевание утром заняло как можно меньше времени...

Из ЦИТ он вышел слесарем 6-го разряда.

В механических мастерских «Парострой» его приняли по 3-му. Муйжник не спорил. Он не любил авианых «заблуждений». Он быстро дошел до своего 4-го разряда, и в 28-м году получил как лучший производительник премию—набор инструментов. Был секретарем комсомольской ячейки, членом бюро, членом звкама.

В 28-м году он принят в кандидаты партии. В 29-м—присоединился к звкаму механических мастерских и члену партии.

Остались в памяти пневматические машинки для накалывания и сверления—необходимый инструмент в котельном цехе.

Из механических мастерских Муйжник перешел на завод «Парострой».

Старый слесарь-специалист по ремонту пневматических машинок ушел в отпуски. Знания свои этот слесарь «гордо» нахлил. До революции ему частично прощали дебош и пьянку, потому что мастер был «знаменитым». И мастер решил хвастать свои знания про себя. Это так прочно вошло в его сознание, что, годы революции не изменила сложившихся взглядов. Он оставил Муйжнику кучу испорченных машинок и ушел, усмехаясь в проуеренные усы. Машинки загадочно бстелали металл-ческими частями.

Муйжник влялся их разгадать. Он наводил библиотекарю, удивленной старой dame, развлекать описание этих машинок. Он выношал откуду-то чертежи. Он часами разбирал и вновь собирал их, когда в цехе уже никого не оставалось, а в ушах попрежнему стоял гуд рабочего дня.

Он одолев их.

Он разобрал на отдельные части несколько старых машинок, одну из них он разревал в продольном и поперечном сечениях и, сделав поясняющие подписки, выставил на особой витрине для ознакомления с ними рабочих. Исчезла загадочность, остались ясные, металлы конкретные. Машинки были окончательно пообедены.

Окончив рабочий день, Муйжник шел учиться в вечерний политехникум.

В 31-м году Муйжника переоборудовали на Струментостроительный Шангига втянувшись.

Много квалифицированных рабочих ходило без дела, дожидаясь начала монтажа.

Недосторожные цехи уже были запровождены прибывшими оборудованием. Нужно было сортировать станки, распределять их по местам, первоначально станок цеха в другой, потому что они мешали бетировке пола. Многие бригады отлаживались от этого.

Бригада Муйжника перекочевала на тесалей-ской работы. Квалифицированные слесари, они временно стали чернорабочими, потому что этого требовало дело. Скручивая гапириску в перерывах, вряд ли приходилось коммунисту Муйжнику заниматься анализом собственной личности... думать о

ты, что в процессе строения рождается новый человек, что мехом, личное уходит место огромному чувству ответственности за строящийся завод... Он просто курит, отдыхает...

Весной, когда вступил 1-ю очередь завода, Муйжиня пристраивается куратором и 300 руб.

Вернувшись с юга, он попал в спальный цех. Здесь стояли большие «байнгартовские» прессы. Цех был грязный, промывной, несовершенный.

Ненавие людьми машины создавало аварии.

Нельзя наладивший станки, Муйжиня стал учеником наладчиком у немца Фосса.

Маленький, скромный, с рыжими топорщившимися усами, Фосс с трудом объяснял со своим учеником. Помогали и здесь чертежи. Их окончательный и сухой язык был интернационален.

Муйжиня часто оставался на вторую смену, наблюдая за работой других специалистов. Со многими он стал дружен. Они охотно разрешали его омовения.

На какой-то период жизни станки поглотил Муйжиня целиком. Он уходил на цеха только спать и обедать. В трамвае, в столовке, дома он мысленно разбирая непокорный станок... В такие минуты он отвечал непонятно жене и был мрачен.

Указывая Фоссу Муйжиня записывал в маленькую записную, на первой странице которой значилось: «Пресса «Вейнгартена»».

Если Фосс об'яснял, то Муйжиня неизменно допытывался «почему»? И однажды они разошлись во мнениях. Фосс никак не мог отрегулировать с'емник к штампам на одном из прессов. Кое-как наладил его, но передал пресс наладчику. Парень утвердительно кивнул головой и делал вид, что все ясно. Но с'емник продолжал заедать, несмотря на все его старания. Муйжиня чувствовал, что Фосс обманывает. Он подождал переводчика и передал Фоссу, что он, по его мнению, неправильно регулирует с'емник. Фосс поблагодарил.

Всю ночь проработал Муйжиня над чертежом. Он не один раз вычертил схему действия станка. Она исследовала его детали за детально, и наконец ошибка Фосса была найдена. Когда он встал из-за стола, в окне задалась рассвет.

Немного волнуясь, он пришел утром в цех.

— Сколько времени тратят в Германии на отрегулировать такого прессы?—спросил Муйжиня.

— Пятнадцать минут,—коротко ответил Фосс. Муйжиня наладил пресс в 10 минут. С'емник работал безупречно.

— Зер туг,—сказал Фосс и потрогал усами кончик носа. Он был смущен.

Большой круглолицый человек просыпается без четверти семь. Он просматривает рынчик, чем будильник успевают пустить свою звонкую трубу. Он вскакивает разом. Одеваю легит в уют. Утро входит в окно свежестью ветра, лучами солнца, звоном трамвая.

Иногда вместе с ним просыпается лодка. Держась вдали, она садится за отцом. Отец играет в каку-то смешную игру. Она приседает, он выбрасывает руки вверх, вбок. Он бросает тело вниз, держась за край кровати. Дочь не выдерживает. Это странно смешно. Она закрывает голову и заливается тоненьким, обильным смехом. Она зарывает отца. Они хохочут вместе.

К половине восьмого он успевают окатиться водой, поборяться, поавтракать, подобрать вверх выходящую дочь, поговорить с женой и боить вина.

Завод напротив. Он переходит дорогу, шуршит от солнца, пред'являет пропуск.

Через 2-3 минуты он окунается в шум цеха. Здесь начинается день мастера конической группы спального цеха Муйжиня.

Под его руководством 20 сложных прессов.

Он приходит за полчаса до прихода своей смен. Проверяет прессы, смотрит, хорошо ли они смазаны, осматривает штампы, пробует автоматическое включение. Он заранее строит свою смену по полюшку.

На его оборудовании не должно быть ни одной поломки. И никаких опозданий! Никаких сбоев из непопнятности работниц или сложность станка,—таков закон, поставленный себе Муйжинюком.

Единоначальник и администратор, он сумел наладить с рабочими и наладчиками своей сменой хороший деловой контакт.

Муйжиня замечает, что хорошая работа начинает делать на денеге большие пропуски, пускет.

Мальчик выходил на станцию с корзиной омычек

в пресс грязный материал... Он подходит и спрашивает, что с ней? Девушка смеется на какую-то подобную работницу. Но это неверно. Муйжиня знает ее, она хорошо работала на других прессах. Тогда девушка признается,—они живут вместе и поссорились из-за парня. Это скрывается на работе. Тогда Муйжиня идет к наладчику цеха и договаривается о возможности расселения этих двух.

Мастер Муйжиня дружает новую работницу с движением рукам в такт работе.

Потом она подает деталь в штамп через один удар.

И только, когда работница окончательно сменится с координацией движений, мастер доверяет ей штамп. При автоматическом ходе штамп идет 45 ударов в минуту. Штамповидца должна быстро ориентироваться в работе и уметь в нужную минуту остановить пресс. Работница нервничает,—и он об'ясняет ей управление станком, его общую конструкцию, принцип работы. Девушка становится спокойнее, увереннее. Работа идет значительно лучше, и мастер словами, что штампы не будут поломаны. Рабочий поднимает штамп—несомненно жалость,—Муйжиня сейчас же дает ему помощь. Кто-то обрвал палец на производстве, и Муйжиня требует, чтобы он отправился на перевязку в амбулаторию.

В его смеху не слышно иронии. Он спокоен, уверен, убежден.

Штамповидца уронила в грязь деталь и бросила ее потом в ящик. Подходит Муйжиня:

— Свали, Петрова, бросьшь ли ты грязное мясо в сун?—спрашивает он, ни на секунду не повняша голоса. И девушка живо смущена. Она готова промльнуть сейчас землю. И больше уж она этого не повторит.

Наладчик—молодой парень в кварте работы наладил в деталь масло для смазки. Кончик, он об'ясняет ее с сторону. Проходя мимо, Муйжиня поднимает деталь. Он за минуту задерживается, вытаскивает из кармана книжечку. Находит расценки. Парень застывает в неприятном ожидании.

— Деталь стоит три рубля,—в голосе Муйжиня металлические нотки. Бручи в руки опархивают первый деталь, мастер производит дальше.

Шестьдесят минут хорошо для vlasности. Гайки на штампах должны закрепляться точными ключами, иначе они перестают быть похожими на гайки. Муйжиня требует хорошей организации рабочего места, чтобы нужный инструмент был всегда под рукой, чтобы в отсутствие работника не приходилось бить по зубам ключом. Даже после обещенного перерыва машина должна быть проверена наладчиком,—малейшее упущение грозит аварией. Метод Муйжиня передается его товарищам.

В цех часто приходят люди, не рабочие совсем еще на производстве. Такие люди под особым наблюдением у мастера. Они трудятся в особой воспитательной работе. Он постепенно приучает их к производству. В обещанный перерыв он собирает их, об'ясняя работу станков. Он дает им общее представление о прессах, на которых им придется работать. Мастер становится сам за станок. Вот наиболее точные, экономные приемы движений. Наладчик постепенно преодолевает боязнь машины. И когда приходит время становится за станок, он уже уверен в себе, и машина перестает быть сложной, пугающей вещью из металла.

Ученику немца Фосса прессы «Вейнгартена» кажутся когда-то сложной и трудной вещью. Уларник второй пилателки—мастер Муйжиня—знает их теперь уже на-суху и на-ощупь. По стукну и позаригативно он определяет состояние машины.

Мастер-поминчик Муйжиня умеет даже замечать, что работа на передовом производстве отражается и в его быту.

В цехе он привык к аккуратности, чистоте, экономии времени.

Его раздражает теперь неряшливость в комнате и вещи, стоящая не на месте. Иногда он ловит себя на том, что кому-то он начинает рассматривать ламп механчик, где все части должны соответствовать друг другу.

Человек высокой производительности и высокого качества, работая на превращены, новейших станках, он не любит дешовых, свирлых, размазанных вещей, которые загромождают квартиру старого мастера.

Рационализатор в цехе, он враг лишнего в доме. Производство приучало его к самодисциплине и самоконтролю. Без этого он не смог бы наладить товарищеских отношений в своей семье. Это скрывается в лзм. Он ровен и сдержан в отношении к дочери, к жене.

В последний раз и видел мастера Муйжиня дома. Семья уехала на дачу. Он занимался ремонтом.

— 15 минут,—коротко ответил Фосс

рассказывая мне свою биографию. В опустевшей комнате гудит отдаленно его толок. Он красна под и руку отца. В углу стояло несколько банок с красками. Мастер жаловался мне, что никак не может подобрать подходящего цвета...

Его старшая сестра давно уже член партии. Мать живет с немом. Когда вспоминаю случаи с рыорой, старуха смущается и краснеет.

Тов. Боевский кажется умер. Входи в спешке, просторные цехи завода, Муйжиня иногда вспоминает его. Мечта старого членства осуществлялась.

В западном крыле дворца

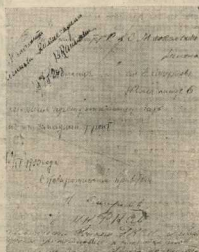
Здесь находится Всесоюзный музей ленинского комсомола

Майские знамена питерской рабочей молодежи

Журнал «III интернационал» — орган Бюро Коммунистического Союза рабочей молодежи в 1917 году

Заявление добровольца

Ленинград. Асфальтовая чаша бывшей Дворцовой площади.

Розово-белый трехэтажный Зимний, за которым Нева и мосты.

Гранитная колонна посреди площади.

Асфальт, дорожки, колонна. И больше ничего.

Но этот асфальт прикрыва землю, которая впитала человеческую кровь в январское утро 1905 года.

Но эта колонна служила прикрытием для матросов и рабочих, штурмовавших дворец в осенний вечер 1917 года.

А во дворце бывший прапорщик, шахматист и математик, Антонов-Овсеенко арестовывал временное правительство.

Ребята с базы «Туриста» пришли осмотреть дворец. Они думают о страшной бессмыслице допетровской России. Пятьсот дворцовых комнат предоставлены были коронованному дегенерату.

В конце концов это довольно однообразно. Золоченые дверные ручки в комнатах Николая Первого. Красное дерево, Ковры, Безделушки. Связка вонючей Невы в зеркальном оцике.

Витюшка лесника. Николай спустился по ней в тайные комнаты первого этажа для переговоров с доносчиками.

Буфеторская солдатская койка, на которой будто бы он спал. Рядом исплясавшая солдатская шинель, которой Гинюль хотел укрываться от истории, размыгивая роль неважкательного «народного» царя.

Выйдешь из царских комнат.

Сводчатые полулетными коридорами пройдем в западное крыло дворца.

Здесь иная царские слуги. Холодом несет от стен...

Но вот мелюзга кумачу знамен.

Высушу серую мордочку пулемет, прикрытый боевым стянгом.

Реаликии новой эпохи на стенах.

Но образы старого мира еще встречают нас на пороге комсомольского музея.

Кирпичного цвета теплушка. Из нее выселяют на перрон крестьянские пары в амулетах и картузах с длинными козырьками. Такие картузы носили в России накануне войны. Прут шария в город с корзинами, гонимых ками.

В 1915 г. молодежь составляла 70,9 проц. общего числа мобилизованных на войну.

Они прут на убой.

Империалистическая война не только одела гигантские массы молодежи в серую шинель. Она воссела тысячи подростков в драны военных заводов. Она заставляла десятилетних девочек таскать трехдюймовые сорванцы на фабриках. Она допущала ночной труд семилетних детей.

Малолетние получали в июле 1914 года по 33 копейки в день. В июне 1916 года им платили 27 коп.

Начинались забастовки.

Каллиграфический почерк какого-то путловского деловода вывел на листе бумаге:

«Алексеев Ам. Ал., 17 лет, слесарь-ученик.

Андреев Ам. И., 16 лет, слесарь-ученик.

Елесин Ф. Е., 16 лет, слесарь-ученик.

Струков Е. Ш., 16 лет, слесарь-ученик.

Шудкин И. Н., 16 лет, токарь-ученик».

И еще и еще.

Заводчики спорились, что много из этих молодых забастовщиков не возьмут на работу...

На белой стене развернут огромный шер вынаем.

Вот аллювозные подросток завода Нобеля. Зомооткаивный юноша у верстака указывает голой рукой на источник света, брызжащий светом. Это звание «Труда и света».

Неподалеку висит портрет молодого человека в студенческом мундире. У него курчавые волосы, веские и выразительный взгляд. Это Шевцов, заправщик «Труда и света», неудачливый агент русских капиталистов, выгнавший напарника в «старое русское движение рабочей молодежи. Одной рукой он получал ассигнации от капиталиста Нобеля, другой писал:

«Нам необходимо влить в руки советом науки, а в сердце послать одно лишь пожелание любви, добра и крепости жемане».

Этот белоодездочник призывал рабочую молодежь выступать под синими-алювыми знаменами. Они олицетворяли, по его словам, синюю блузу, синие студенческие окошники и синие небы.

Но подростки Нарской и Невской заставя передали списку двугу красной. Багровому майские знамена 11-70 года:

«Да здравствует детский социализм».

«Долой войну».

«Прива голоса 18-летним».

Секретный шифр, которым пользовались питерские комсомольцы в дни К.-онштада при разговорах по телефону

Чего-то знакомое лицо. Узнать не удается. А ударило. Но это же скучно, глупо. Это он — Петр Смороди, сегодняшний секретарь Выборгского райкома ВКП(б). А рядом его товарищ по боевой работе Васа Алексеев, представитель питерской рабочей молодежи на VI съезде партии.

Деревянный домик на Выборгской стороне, где собрался съезд.

Строгий пробор, гладкие волосы. Надеждам Константиновым Круской.

Сталки, руководивший работами VI съезда.

Историческая резолюция VI съезда: «Наша партия должна... стремиться к тому, чтобы рабочая молодежь создала самостоятельные организации, ориентированные не подчиненные, а только дружеские отношения с партией».

«Чтобы организации эти с самого начала своего возникновения приняли социалистический характер...»

Личные будущий комсомолец — социалистический совет рабочих молодежи возникли по всей стране.

Демонстрация московского ССРМ у бронзовых Минина и Пожарского.

Молодые красногвардейцы шахты «Канитальня» в Донбассе.

И опять Питер:

«Дорогие буржуйство Павлу и Егорю Сердюко для организации красной гвардии по моделям «Ассисор», «Струк», «Жюль», «Шварсер».

Красногвардейцы завода «Новый Паровоз».

Красногвардейцы «Путиловца»... Куда они бегут, припрятанные, с шитыми наперевес? Что за канва чернеет впереди? Что за адские выступил из тумана осеннего вечера?

Это Зямкина канва. Это Зямкин дворик. Это штурмовой вечер 25 октября 1917 года.

Рабочая молодежь Питера заволашевала в эти часы право на звание лучшего помощника партии.

Канва I съезда РКСМ. Расплава стала, карта провинциальных организаций.

Ура. Владимир. Язюма. Вологда.

«К советам молодежи».

Товарищи, стихийным движением выростом по всей Советской России советам рабочей и крестьянской молодежи. Мы не пошли с теми, кто проповедывал смирение и солидарность. Мы — боремся. Для нас нет средних путей, одна единственная дорога — социальная... Всероссийский съезд должен положить начало организационной работе во Всероссийском масштабе...»

Первый обзор комсомольского билета, изданного на равной бумаге в виде блокнота. Первые печатные издания: «Юный пролетарий» — Питер, «Молодой социалист» — Иркутск, «III интернационал» — Баку.

Ми замедляем шаг.

Потемневшее, с ушедшей позолотой звания комсомольского роты: «Отдельной самокатной роте особито не везет...»

Над словом «особито» круглая пробоина.

«В обороне города от Юденича принимало участие 1.500 человек РКСМ».

На противоположной стене желтый грязного цвета билет в рамке: «Билет последственного арестанта».

Его назвали в кармане брошю харьковского комсомольца Векслера. Мы видим на билете темное круглое пятно. В кармане лежала еще медная копейка. Тогда денжикские солдаты заглянули в карман арестованного Векслера, кровь проливая всю его одежду, и копейка намокла черную несмываемую печать на билете.

Товарищи!
Второй ассессонный съезд нашего союза единогласно постановил провозгласить мобилизацию членов союза до 16 лет как юношей, так и девушек...
Враг блокнот...
Это — голос съезда.

А вот отдельные голоса. Вот лохматые, смежавшиеся, перемаванные бумагой.

«В ПК РКП. Пет. туб. ком. РКСМ направляет в ваше распоряжение т. Шувалова для отработки на врангелевский фронт».

Полустертая резолюция карандашом:

«16-летию мобилизовать меняя 12/18/1920 г.»

Но голоса звучат настойчиво: «Настоящим прошу откомандировать меня на Элп фронт».

Резолюция: «Направить в военный комиссариот».

Могла в Триполье.

«Землянка в южарских лесах, где партизанские отряды комсомола Белоруссии подкарауливали Балаховича».

Отходит стена. Пахнула холодом. Подойдем ближе...

Чернуга синича. Несколько секунд мы видим вилку, в подвале, маленькую печатную машину-бостону, фигуру печатника, листочки и малячника, который заливает листочки в корзину с картошкой.

Это тотный макет подпольной типографии минских комсомольцев в дни белопольской оккупации.

Дальше документ Кроунштада. Листочка ПК РКСМ. Пламенные стихи Безмякинского тут же, а утку листочка. Секретный шифр, которым пользовались комсомольцы при разговорах по телефону.

Фотографическая карточка бюро Кроунштадского комитета РКСМ, расстрелянного метельниками. И герой Кроунштада, всадившие не одну пулю в кулацкий контр-Фейнберг, Павло...

И как этот этих дней, как наградил, как заключенное — глужай красный барак:

«Грядущий сием борцов за коммуниза в день 5-й годовщины от ЦК РКП(б)».

Тут же висит грамота ЦИК о награждении РКСМ орденом Боевого Красного знамени.

Следующая комната распаханна с гигантской книгой.

Мы стоим у подножья страницы. Огромные слова висели над головами:

«Мы хотим Россию на страны нищей и убогой превратить в страну богатую. И нужно, чтобы совет коммунистической молодежи свое образование, свое учение и свое воспитание соединил с трудом рабочих и крестьян, чтобы он не запылялся в свои школы и

«Делегаты Первого съезда от Ильича» (с кормильца худ. Старина)

Совет центральной политической школы комсомольского актива в 1920 г. Третий слева — А. Носовьев

не ограничиваясь лишь чтением коммунистических книг и брошюр...»

Это Ленин.

«И в этот день он на десертке лет не написал программы комсомола».

Стихотворная строчка Язюма звучит в комнате, посвященной III съезду и началу восстановительного периода.

Робатники в валах и утинках у верстаков — первая ФЗУ Ленинграда.

Полубоинные парни гнут на платформы песок. Субботник!

Деревенские комсомольцы на сельскохозяйственной выставке с огромными жюнами капуста.

А дальше — голые стены. Не собран еще огромный материал

о работе комсомола в годы нпа и в реконструктивный период.

Но собраны отавия магнитогорского чугуна, телеграммы о пуске Тракторного, кузнец, авиатяги, фотографии ударных бригад — роликана первой пятилетки.

Не записаны имена комсомольцев-трактористов, перенатавших салские степи, комсомольцев збнойной, добывших уголь в шахтах Каргола, комсомольцев-ученик, изучающих Новую Землю...

Это не пилы, не архивная сукна.

Из комсомольского музея выходят с подвоятой головой, с распрямленными плечами, с огромной жаждой работы и борются.

Первый матроский отряд питерского комсомола на площади Урицкого, перед Зимним дворцом

Члены организации Московского союза социалистической молодежи перед отправкой на фронт в 1918 году

из рабочих московских заводов. Из Краснопресненского района отправлялся с ним на Красный фронт человек 200 рабочих, из которых значительный процент комсомольцев. Из актива пресненского союза молодежи поехали тогда Аппалу, пошедший убитый на фронте в рядах Красной армии, Белокопотов с завода Тяньшана и другие. Из девчат поехали я и Таяя Рыбакова.

Записк в отряд была исключительно добровольной. Молодежь, записавшись, вечером, сплотив сообщая своим родителям, что пошел на фронт, и прикинув угрозой не могли пошевелить принятого решения. Когда на утро отряд собрался на сборном пункте, в казармах юнкерского училища, не было не только дезертиров, но даже опоздавших.

1-й московский отряд с честью выполнил возложенную на него партию и советской властью задачу.

Вернувшись в 1918 г. с фронта, я снова включился в работу комсомола уже в качестве районного организатора. Начал мн с агитации по заводам и фабрикам за вступление в комсомол. Очень хорошо тогда, как мн, чаще всего с Бинатором Штерн, проводил собрания молодежи на фабрике Шустова, в типографии Мыльников, на фабрике «Дукат» на заводе Гачева. В особенности на Б. Грузинской улице, где помещался и то время районный партин, нам было отведено место для клуба. К особнику пригласил хороший шах. Мн организовал хоровой, драматический, музыкальный кружки и даже организовал плавательный клуб для особняков и фабрик. Мы устраивали лекции на разные темы, вечера художественной самостоятельности. Такая постановка работы привлекала в союз молодежи большое количество новых ребят. Образовался и общесоюзный актив.

Многие ребята и девчата, являя в союз молодежи почас с целью познакомиться, через некоторое время, увлекшись примером переконных, уезжали на фронт.

В сентябре 1918 г. в Москве организовался 21-й полк, который входил потом в XIV армия. Командиром полка был Златовров. С этим полком мн отправился большую группу комсомольцев. Все ехали добровольцами. Ситуациям был так велик, что уехал и многих общесоюзных ребят, в том числе и моего брата Михаила, которому едва минуло 15 лет.

В декабре 1918 г. для пополнения 21-го полка в Юсуповском саду на ивского района уехала большая группа партийцев и комсомольцев. С ними поехали и девчата-комсомолки—Таяя Рыбакова и сестра моя Катя Литвейко. Эти товарищи внесли все тяготы гражданской войны и пробыли на фронте до осени 1920 г.

Большая группа комсомольцев нашего района ехала сражаться под Красную Горку, на помощь потерпевшим рабочим. Как только было получено извещение: «Итер в опасности, организуйте помощь», сейчас же собрался все, кто был дома, погрузился на машины и отправился на вокзал. После удачного отпора врагу ребята вернулись в Москву.

Летом 1919 г. на Московской конференции молодежи вносился постановлением об обязательном 9-месячном военном обучении комсомола. Красная Пресня не отстает от других районов. Членов организации мн разбил по группам. Изучал историю, политику, русский язык, военный строй. Во всей комсомольской работе фронт был в центре внимания. Молодежь, идя уже некоторую воспитательную школу, сама подготавливается, чувствуя серьезность момента.

С нашей группой занимался т. Комиссаров, который взаимнолично знал историю войны, мог командовать, закрываться от кавалерии, стрелять из винтовки и пулемета. Занятия проходили очень живо и доставляли нам большое удовольствие. Наряду с военными занятиями мн организовал кружок по подготовке рабочих сестер, и партийно-патристическим и воспитательным и физическим барам.

В сентябре наши курсы сестер закончили свою работу, и почти все участницы курсов поехали на фронт; все эти молодые комсомолки являлись с патристической работой вольными и партийно-патристической работу на фронте в качестве секретарей ячек, политкомов госпиталей и т. п.

Одновременно с отъездом красных сестер начинаются снова массовые добровольные отъезды комсомольцев на фронт. Собирается большое количество добровольцев Московского общества социалистических революционеров, организованных вария здания Московского комитета партии. Девочки выдвигаются тогда на Орел. Эти факты еще более сплотили и мобилизовали рабочую молодежь. Все на фронт! На фронте гражданской войны, добывая мн право называться лучшим помощником партии и это право добываи.

МОЛОДАЯ ПРЕСНЯ*

В Краснопресненском районе союз рабочей молодежи, позднее названный «Союзом рабочей молодежи III интернационала», возник в м. 1917 г. К первым организаторам союза молодежи Попову, Дугачеву и Быстрову вскоре примкнули Яковлев, рабочий мелкой столярной мастерской, Шура Дорогова и я, работавшая в то время на фабрике электрических ламп. Несколько позже нашла группа пополнилась двумя сестрами Костяловскими.

Первой нашей задачей было расширить наш маленький кружок. Нам это довольно быстро удалось, так как рабочая молодежь сама являлась и революционной деятельностью. Особенно успешно шла работа на фабрике автостроила, которая, несмотря на почти исключительно женский состав, поддерживала большевиков. На заводе Тяньшана, Гачева и на аккорраском Мамонтова тоже нашлись поддерживающие ребята. Гораздо хуже дело шло на Прокоровне и на фабрике «Дукат», где сильны были меньшевистские настроения и где наша агитация в первое время не пользовалась особым успехом.

Уже в июне 1917 г. мн вместо маленького кружка имелись сотни членов союза. Большинство ребят после небольшой обработки в союзе молодежи вступало в партию. Таким образом наша районная организация с первых же шагов самостоятельной работы выполняла свою большевистскую, революционную роль, служив своеобразной школой пополнения рядов партии.

Наиболее подготовленные комсомолы Дугачев, Попов, Быстров выступали по поручению партии на рабочих собраниях и митингах. Мы расклеивали партийные листовки, продавали «Правду» и распространяли партийную литературу, читали газеты и небольшие брошюры на предприятиях. Занимаясь мн, что работницам с фабрике автостроила, где я в обеденный перерыв проводила чтение, особенно любил слушать брошюру Бебеля «Партия и труд».

Надо было организационно оформить вырастающую организацию и искать средства. Каждому надо было дать работу. Каждый вечер комсомолцы собирались в райкоме. Дела было много, и районный комитет комсомола ждала довольное дело, всегда с длинной повесткой. Начал мн тогда же заниматься поанитратомой, создавал кружок, куда входила преимущественно активисты. Организовывали вечера культурной самодеятельности. Были тогда у нас споры о танцах. Активисты и танцам относились отрицательно, а девчата без танцев не мыслили себе веселья. В этих спорах побеждали конечно бывшая через край

молодость и жизнерадостность, и нередко вечера наши кончались танцами.

Для пополнения своих знаний мн решил поступить на вечерние рабочие пренесненские курсы. Являюсь у нас была так велика, что мн записался на все предметы сразу.

В сентябре политическая атмосфера накачалась, чувствовалась приближение решающих боев Увадимос и стали отключенной наши связи с меньшевиками и эсерами.

Приближался решающие дни Октября.

В период Октябрьской революции весь комсомол Красной Пресни участвовал в боях. Мн, девчата, выполняла роль разведчиков, связистов и санитаров. По роду своей работы мн бывала во всех боевых пунктах района и неизменно встречала знакомые лица наших комсомольцев. В эти дни все стало ближе, роднее, дороже друг другу. Оказывая мн помощь на Поварскую предупредить ребят, чтобы избежать обращения с патронами. Я застаю самую горячую боя: наши красновардейцы, укрываясь за каменным выступом домов, обстреливали юнкеров, а те упорно не отступали и в свою очередь поаывали их дождем пуль. Я сразу заметила миномет Устинова, которого все в комсомоле особенно любили. Он с яростным острением зарикал и стрелял... Я ему говорю: «Передай всем ребятам, чтобы стреляли пореже, а то в штабе сейчас патроны нет...» А он мне в ответ со злостью: «Как нет патроны? Не можем мн ослабить стрельбу, юнкера чуть держатся, еще немного — и мн их потесним».

Я моментально помчалась в штаб с твердым намерением хоть украсть гле-бли, а патроны на этот участок доставить. В штабе в это время патроны уже были получены и во-время направили на Поварскую.

Тяжелое был ранен в бедро комсомолец Любимов. Таяя Рыбакова под перекрестным огнем вытаснула его в безопасное место.

Впервые же дни после Октябрьской революции меньшевики и эсеры организуют саботаж чиновников против советской власти. Союз молодежи Красной Пресни выявляет и разоблачает саботажников и выделяет наиболее опытных и подготовленных ребят на разные участки советской работы.

В ноябре петлюровско-гаймандские отряды Украинский ралм, получившие помощь от немецкого империализма, начинают громить советы на Украине. Партия организует партизанские отряды для отпора.

Создается 1-й московский партизанский отряд

* Из материалов Московского исткома

ПАРТИПРИКРЕПЛЕННЫЙ НА ПРОВЕРКЕ

Я старый комсомолец — с 1919 года. В комсомоле пробываю до 1926 года. Можно сказать, что я — воспитанник комсомола и многим ему обязан. Вот даже и инженером я стал по путевке Омского губкома комсомола. Прекратился с цеховой ячейкой я сам из-за болезни, поэтому меня и спрашивать, пожалуй, нужно больше. Комсомольская организация в нашем цехе молодая. Много ребят пришло из ФЭУ. Многие совсем не работали на производстве. Некоторые работали на других производствах, но позовных на наше. В процессе работы им приходится передаваться, менять приобретенные навыки. А нашему заводу всего год жизни. Нет никаких производственных традиций. Нет старых кадров. Все производится заволом осваивать. Это конечно осложняет работу и ставит перед комсомолом много трудных задач. Прежде всего нужно было упорядочить работу бюро, чтобы работали и отвечали все, а не один секретарь. А то ребята работают по группам, а что они там делают — неизвестно. Самым секретарем. Сейчас секретером Усидья, молодой партизан из комсомольцев, хороший коммунист, а в прошлом был когда-то беспартийником.

Распределены только функции работы в бюро. И если, скажем, появляется в газете сообщение о каком-то хорошем опыте комсомольской работы на «Серле и молоте», так пареня, отвечающий за производственный сектор, обязан его проработать и сделать такое-нибудь конкретное предложение на бюро. Ко всем групповым ячейкам прикреплен сейчас партизан. И я добиваюсь сейчас, чтобы за порученную им комсомольскую работу они отвечали по-истинному.

Скажем, на производственном совещании, на собрании по чистке нет комсомольцев. Партизан прикрепленный должен нести за это ответственность, прежде всего перед своей партизанской, которая обязана с него спрашивать. Тут формальным отношением к делу не отдался, придется звинять во всю повелеванную лизать комсомола. Четкое руководство партизанскими по группам — серьезное дело, и мы еще только приступаем к нему.

К работе комсомола мы привлекать сейчас можно партиями и всех беспартийных рабочих. Будем ставить сейчас беседы о том, каковы должны быть комсомолец в цехе, в быту, на отдыхе. Критикуй раз-другой как следует, плавильню, пареня начинают выравниваться. С Усидьяевым мы имеем сейчас собрание всех комсомольцев-коммунистов по вопросу о вечерней учебе, чтобы добиться участия в этом деле беспартийной нашей молодежи, поставить вопросы дисциплины. Бывает иногда такая вещь: переводят парня из комсомола в партию, он и начинает нос воротить от комсомола: «Его мое это теперь дело». Но такая мы делаем пометку, что с переводом их в партию они еще больше отвечают за работу комсомола, чем раньше. Есть женщина у нас и такая, с которой можно брать пример. Вот фрезеровщица Мухоморова, секретарь групповой ячейки горячих станков. Прекрасный производственный, хороший коммунист и товарищ. Она завлеса узнать в отдаленности каждого комсомольца своей ячейки. Иной раз выговор не помогает, а нужен дружеский хороший совет. А для этого нужно знать парня, чем дышит пареня, что его волнует, чем недоволен. Я начал работать партизанским, заметил, что у ребят нет меж-

ду собой спайки, нет яростного, дружного коллегства, который может бы выравниваться тому или другому парню или девушке. Все как-то покорно. Комсомолец из группы холодных станков не знает, скажем, ребят из группы плоских канавок. А ячейка у нас не такая уж большая. Это не политик Гомарь об этом работам из бюро. Директор организует иногда товарищеские встречи. Ну, вечерники, что ли. Дать свой ордер, там же, какие-нибудь физкультурные номера, повеселиться, поговорить. Чтобы ребята почувствовали себя в рамках других товарищеских коллективов. Первый такой опыт мы провели в молодцовский цех. Был он немного необычный. Провел его в своем цеховом буфете. Торжественности никакой не было. Зато и скуп, пожалуй, не было. А я внешне только приглядывался к ребятам. Товарищ из Ровного совета рассказал о том, что делается на Западе и макура роль играет сейчас Международный коммунистский день в нашей революционной борьбе. Выступил с воспоминаниями странной боевой комсомольца Рашпорот. Артистов не приглашали. Организовали сами выступления. Был буфет. Ребятам пареня, комсомолец из Польши, рассказал об этом о трудной жизни польской рабочей молодежи. Это дало мне возможность ответить на вопросы этого трудного ребята — тех, которые услышали, а которых сейчас растут. Им ничего надо, потому что у них многое и спрашивается. Часто ребята идут откуда-то толпами, постановили бюро скажем, чтобы заняться с ними «небудь» вопросом. Иногда им собираются являлись рассуждениями, а иногда тогда, о своей работе в комсомоле, в Сибири, когда жалба была неогата, когда жалба — значило продать революцию. И если сейчас мы многого добились, это не значит, что комсомольский комитет в состоянии «успешности». Гореть нужно. Ребят это здорово волнует и подталкивает.

Ребят приходится узнавать главным образом на производстве. Но старюсь это сделать и другими путями. Вот был полубой с заводом им. Сталина в Тугре революции. Пошел с ними. После был смотрели «Давуши нашей страны». Комсомолец с ними шесу, герою. Пятакс инни какие-то черты персонажей пьесы среди наших ребят.

В ближайшее время основное — это помочь культурно пообщать крепких ребят для руководства политическими и телесными кружками и широко поставить вопрос о помоях. Большинство ребят — газифицированные рабочие, по 4-6-му разряду. Ниже четырех групп почти нет образования. Большинство окончили семилетку, девятилетку. А помоям и нас все-таки бывают. История каждой помойки должна быть изучена и разработана комсомольцами, знающими ее принципы и кто виновен. Осуждение и разработка этого вопроса — одна из первых задач ячейки. Большой пробег у меня в работе, что и до сих пор не была в бытовом комсомольском комитете нашего цеха. Нет еще и четкого руководства прикрепленными по группам.

Загружен, правда, и заводом. Парторг, руковожу кружком для партизан-рабочих, производство. Но это конечно не оправдание. Сам знаю. Да и на участке, которую и уже прошла, мне, а не кому другому, заметил, что недостатком комсомола бывает на заседаниях, что, очевидно, работа еще не поставлена на нужную высоту. Чистка вообще очень помогла в этом отношении. Обычно, когда падла комсомольская работа, тянут к ответу секретаря бюро, заводской комитет, а партизанский считается в стороне, точно он здесь не при чем. На чистке ясно и твердо сказали, что за работу комсомола в цехе, в группе несет ответственность вместе с бюро комсомола партизанский.

Партизанский и ячейки
ВЛКСМ инструментального цеха
завода «Шарикоподшипник»
Кривоносов

НАДЕЖНЫЙ РУКОВОД

Безусловно комиссия по чистке партии поровела в кандидатуру члена партии Васильева, руководителем полкратурки, за политграмотность

Рис. Ишн

Ленция Васильева началась

ПОВЫСИМ
АНТИВНОСТЬ
КОМСОМОЛА
В ЧИСТКЕ
ПАРТИИ

ДИНАМОВЕЦ № 3

ФИЗИКУЛЬТГАЗЕТА ЦС „ДИНАМО“ и „СМЕНЫ“

КОМСОМОЛЬЦЫ „ДИНАМО“

Комсомольцы принимают активное участие в динамовской работе. Они готовятся к себе людей, готовых к труду и обороне Советской страны.

Отправным пунктом всей работы комсомольцев-динамовцев Москвы является сдача норм на значок ГТО. В этом направлении комсомольцы добились достижений, 100 проц. комсомольцев-динамовцев и огромное большинство молодежи — чемпионы «Динамо» — возмещены в сдачу норм на значок ГТО.

Эта работа ведется комсомольцами по строго предусмотренному плану. Каждый комсомолец имеет календарь сдачи норм по отдельным видам физкультуры. Комсомольские ячейки проверяют выполнение.

Значительная часть комсомольцев уже сдали нормы и ждет подготовку к сдаче норм на значок ГТО второй степени.

Большая работа проводится комсомольцами по стрелковому спорту. Есть целые комсомольские ячейки, имеющие высокие показатели по стрелковому делу. Но это относится далеко не ко всем — ряд ячеек в этом деле еще отстают.

В весенней эстафете им «Комсомольской правды» «Динамо» выставило помимо общих команд специально комсомольскую команду, занявшую 13-е место по Москве (из сотни и английских команд), что является для ячеек неплохим результатом, принимая во внимание уровень физкультуры в столице.

Много комсомольцев и беспартийных молодых ударников участвуют в военизированных эстафетах «Динамо», проводимых дважды в год (зимняя и летняя). Многие из комсомольцев имеют отличные показатели по отдельным видам спорта (бег, прыжки, стрельба).

Помимо участия комсомольцев в общединамовских мероприятиях комсомольская организация практикует молодежные вылазки и спартакиады с соревнованием комсомольских ячеек между собой во массовость и лучшие показатели.

31 августа 1933 г. комсомольская организация совместно с «Динамо» проводит молодежную спартакиаду в честь XIX МОУ — спартакиаду, имеющую своей целью подытожить результаты динамовской работы комсомольцев за лето 1933 года.

Комсомольцы участвуют в динамовской эстафете. Несколько комсомольцев получили уже звания летчиков, другие еще участвуют.

Наша комсомольская организация приняла участие над авиошколой «Динамо» и закрепляет его в дальнейшем практической работой.

Большую работу по физкультуре проводит комсомольская организация совместно с «Динамо» среди детей членов «Динамо».

Пионеры нашей организации сдали нормативные показатели на 100 проц. Спортигры, в особенности волейбол, среди ребят пользуются исключительной популярностью и успехом.

Агитация оздоровительная кампания пионерорганизации 1933 г. была использована «Динамо» и комсомольской организацией для того, чтобы развернуть детскую физкультуру.

В этом направлении есть ряд достижений, выразившихся в росте кружков физкультуры.

Наряду с успехами в работе мы имеем и недостатки. Они заключаются в том, что зачастую в отдельных ячейках у нас нет системы в работе. Иногда наблюдается такая явление, как работа рынками, кое-где еще слабо по стрелковой подготовке и с авто-мотоспортом.

Эти недочеты будут преодолены комсомольцами-динамовцами под руководством парторганизации.

А. Колесников

(Секретарь к-та ВЛКСМ ОТП).

ЗВЕЗДНАЯ ЭСТАФЕТА

Они совершенно растерялись и даже не помнили о бегстве. Высокий плачущий басом, с лицом, испорченным черной асфальтой, ступил у себя с голом тобейку, засаленную, как пила, и, каявшись, вынужденно из спуга.

Пограничник Василий Чайка выткнул из-под его зорно стеганого, как затное одеяло, хахавт синий, ледяной руки задура.

Контрабандисты были огорошены до мистического ужаса. Ведь их так хорошо осведомили: ку пограничников сегодня праздник.

Да, праздник был. Пограничники правдиво отметили действие своего спортивного общества «Динамо», правдиво физкультурной эстафеты. 10,672 километра по обожженной солнцем земле нужно было покрыть динамовцам. В звездной эстафете участвовало 148 команд с 708 лучшими спортсменами. Динамовцы прошли эстафету в течение 433 часов. Эстафета шла от Гасан-Кули по вздыбленному горничью ветрам Каспию, через болота и солончаки, по бесконечным пескам Кара-Кумской пустыни, бесконечным и тяжким.

Ущелье Капез-Дата! Горные сумрачные края Калай-Хумба. Непролазные камни Аму-Дарьи набрасывались на гансер замесными тенетами.

Воздух то вливал от страшного солнечного жвала то бушевал и выла на снежных перевалах Гиссорской гор.

Участники эстафеды на привалах, да отдохнуть измученному телу, принимались за массовую работу. Эстафетчики провели свыше 170 митингов, которыми было охвачено 100 тыс. человек. Соединяя в колоннах ударные бригады, организовывая физкультурные кружки, помогали проводить сдачу норм на значок ГТО.

Одновременно с выполнением ряда общественно-политических задач эстафета выполняла и чисто боевые задания, неся дозорную службу, изыскивая новые кратчайшие пути для связи между отдельными пограничными заставами. Установлены новые пути между 22 заставами, заграничными контрабандисты в багдаты. Эстафета шла по горам впады китайской, афганской и персидской границ.

... Дорога идет по леднику, где-то в тумане густятся серое пятно солнца. Альды излучают прозрачный, флюоресцентный блеск. Тихо и напряженно слышится только шаркающий, тревожный звук копыт скользящих лошадей. Внезапно крик, грохот: две лошади с всадником исчезают в живописной трещине. Все спешится, бросаются к пропасти. Но деловому вступит с отчаянным напряжением впасть в живаную впадину. Случайно остался жив.

На участке Турткуль-Чардаул по безлюдной, высокой, как мушкетер, пустыне пошла четверо из всадников. Нужно было пройти 490 километров. Двое не дошли. Один не выдержал трудностей. У другого не выдержала машина. Перелом закончил Кемберг и Матвеев. Они совершили весь переход в 72 часа 15 минут.

Эстафета среднеазиатских динамовцев проходила в исключительно трудных условиях. 10,672 километра в 1,433 часа. Большинство победила пустыню.

В. Кожевников

Никакие препятствия не могут остановить эстафету

ЛЫЖНО-НАРТОВЫЙ ПЕРЕХОД ПЕТРОПАВЛОВСК — НА — КАМЧАТКЕ — КАБАРОВСКИ

13 декабря 1932 г. из Петропавловска на Камчатке вышли 12 динамовцев-погранничков с лыжами, нартами и собаками, в полном вооружении и с холодной радостанцией. Из 12 участников перехода — 6 часов партии, 2 кандидата и 4 команды. Команды поставлены задания: подробно изучить экономический, социально-политический и топографический характер районов маршрута, проверить физическую выносливость, приспособленность и умение ходить на лыжах, сделать на собаках в суровых условиях севера, провести среди населения по всему пути массовую политическую работу по разъяснению международного и внутреннего положения страны, решений партии и правительства, в особенности по вопросам колхозного строительства на севере; также содействовать развитию оживающей охоты и физкультурной работы.

Динамовцы устали в путешествии по снежному оледенению. Обледенела туфта гужево под воловьими саней. От жилья до жилья десятки и сотни километров. Нарты сразаму падают с сугроба на сугроб, с животных измученных собак слышатся жалобные скуны, и люди на пути начинают появляться алые пятна. Тогда нужно останавливаться и перевязывать лапу собаке, распухнуть о шерстяную шкуру лапа.

Семь месяцев непрерывного пути, на них пять недель на лыжах и нартах по Камчатскому и Олюкскому побережью, затем выше — 900 километров пешком по тайге, густой, запутанной, пахучей смолью и заложенной тлиной.

В Лива-Чумкинском районе во время распушки, когда снег взошел и реки, змеятели, пошли вперёд, через адыкскую скороту, динамовцы шли на гунгас, старом, изломанном, черном. Преледей втл— на породе от Николаевска до Хабаровска. Пороки шлопло тяжелейшим ледовым вью и шквалом. Но астырочки выжидали и штурмовой качке от сладостного, давно не ощущаемого (отностального конечно) покоя. 23 июля команда финишировала в Хабаровске.

В семь месяцев свыше 6600 километров: героически выносливая в истории переходов и туризма команда динамовцев, которая выжила в сложном составе, бойкой, крепкой и здоровой, несмотря на лишения и трудности в пути, сохраняя все свою материальную часть в полном порядке. Героев встречала весь город.

В. Акалаев

ЭСТАФЕТА УРОЖАЯ

Везде, куда вы гнались, все затопило желтым, бескрайным потоком созревших хлебов.

Динамовская эстафета урожая закончилась по всей Украине звездами лучами. В ней участвовало 15 тыс. динамовцев в до 3 тыс. местных комсомольских, физкультурных, Осоавиахмуновских и автодорожских организаций. Весь знойный июнь 6.500 динамовцев, разделенные на 1.400 бригад, кочевали из колхоза в колхоз. В колхозах работали на полях, ремонтировали сельхозмашины и тракторы. Во время своей производственной эстафеты динамовцы обслужили 1.524 колхоза, обработали 40 тыс. трудодней, отремонтировали 4.361 сельхозмашину, в том числе 25 тракторов, 251 молотилку и жатку, 257 плугов и 1.348 косилок. Производили и обслуживали 8 тыс. га, подлган паров 5.500 га.

Динамовцы возились в сумрачной прохладе амбаров, наваливая воемье снопами, спускали наезсы. Прохладе смелости стужкой, они брались за лопаты, валили глубоко в землю — выставляя будущим сносам их.

Динамовцы на деле показывали колхозникам, что быть битальными — это значит сохранить сотни тысяч пудов хлеба в колхозе от расхищения. Эстафета урожая началась на гангосар, ее проводили на автомобиле и с трактором, ехали по галдя шоссе, ее несла пограничная на зямландом этапе в полном вооружении.

Атлужный бег эстафеты на последнем этапе 9 километров был заоччен тремя командами спринтеров в 17 минут.

Эстафета победила пришла к финишу в срок вместе с потоками желтого зерна, ладно всамываемого хоботами тракторов.

В. А. К.

УМЕТЬ СОХРАНИТЬ СИЛЫ

Ровной лентой стелется асфальт. Крутым горным — зеленым, редкие строения. Шоссе Горный — Арзамас.

Всего лишь десять минут назад рупоры развелись по территории голубого стадиона горьковского «Динамо» громкие слова: — Команды Москвы, Ленинграда, Белоруссии, на доску.

Начало дистанции валею от шоссе. Сначала газифицированное поле, затем путь через овраг, в брод через проточный ручей, асф. полем, вновь оврагом и — в город на стадион. 10 километров всенароженного перехода.

Стартер смотрит на мерно плывущую вокруг циферблата стрелку секундомера.

Притоготовиться... Внимание... Марш!

Марш! Но горючиться и топочиться не к чему. Времени на переход — 1 час 20 минут. Да крепкого физкультурника с алым значком готовности к труду и обороне этого времени вполне достаточно. На переход возмужировать. Надо успеть перейти в брод, не замочив обуви. Умело расприслать силы на переход через крутые овраги. Сохранить выносливость на боевую стрельбу в пути. Стрельба ответственная, на дистанции 200 метров.

Уметь легко, быстро пробраться 100 метров, уметь сохранить силы и такт, чтобы выйти победителем в забеге на 1.000 метров, прыгнуть в длину и высоту с разбега, быстро проплыть с патронным шноркелем под подводными заграждениями, метко выбить из строя фаната (мишень № 10), плавать, грести, пройти 10 километров всенароженного перехода, умело перевалить раненого товарища, отменно ориентироваться в текущей ситуации — таким требованиям, такова программа соревнований.

И здесь лучших динамовцев, для которых бетонная дорожка стадиона и лип-стван жизненной необходимости, здесь лучших динамовцев Союзной «эстафеты», сбалансирован в середине августа 1933 г. в Горный — на место соревнований.

Впервые среди артистов физкультурных организаций пролетарского спортивного общества «Динамо» поставлено основное дисциплины комплекса ГТО в основу всесоюзного правления. Опыт полностью оправдал себя.

Решающая стрельба. Команда Украины выиграла в тире все серии «калоу-фанатов» и сразу резко смалнула вперед. Команда набрала 24.185,5 очка. Система учета соревнований велась по очкам. Превышение нормы на 0,1 сек. в беге прибавляло 28,5 очка. И так по всем показателям соревнований.

На итоговом месте оказалась команда Москвы, набрав 23.069,6 очка, и на третьем месте, вы-

До финиша осталось двести метров

реди артистов провинциальных команд, Горный — 22.864,3 очка.

Вторые соревнования показали огромный рост спортивной техники динамовских организаций. Достаточно сказать, что команда Средней Волги, занявшая на вторых соревнованиях пятое место, по количеству очков пошлают к командам Украины, занявшей в соревнованиях прошлого года первое место. Год учебы и упорной работы не прошел даром.

Норма на значок ГТО принимается по трем возрастным группам. По трем группам шли и соревнования. И лучшим из лучших динамовцев по первой группе, от 18 до 25 лет, выиграл Дмитрий (Украина), во второй группе, до 35 лет, Арбузиных (Москва) и по третьей, старше 35 лет, Чапаев (Горный). Женщины соревновались по двум группам: в группе до 25 лет первое место заняла Куликова (Ленинград) и от 25 до 32 лет — Васильева (Украина).

Несмотря на непогоду, несмотря на холод (температура воды упала до 13,5 градуса), соревнования были организованы образцово. Веселые, долгие динамовцы Союза, участники праздника, радовались по домам.

Август 1933 г., Горный

А. Диньков

Ослепительно сверкает никелированный металл. Идут динамовцы-велосипедисты.

РЕЧЬ В ЗАЩИТУ

Товарищи,
Я беспартийный мужчина
Да, беспартийный!
Но тем не менее
Мне больно видеть,
когда бесприлично
Хороших ребят подвергают
гонениям:
Лучших ребят
в рядах комсомола,
Лучших ребят
обоего пола...
Зачем например
кидают каменья
В того,
кого одолали сомнения?!

не перорешь.
Но этот вот парень! —
Такого в капюсте
Не смещь.
Вагляните,
ну, чем не хорош?
По-моему
трудно смотреть
без восторга на
Вот эту фигуру:
Решителе!
Строй!

У него
даже нету
такого органа,
Которым бы он
поразмыслить мог.
И зачем ему орган?
Придет директива —
В ней всё по параграфам,
ясно и точно.
И он директиву
проводит ретиво,
Как воду проводит
труба водосточная.
Ему незнакомо
ночное томление
По девушке
с бархатными глазами.
Поскольку
не издаво
поставлен-ся
О проведении ласк и лобзаний.
...А этого вышибали
не опрмечтиво?
Ну, где в нем задорника?
Где в нем сучок?
Надо алаять,
любить и беречь его,—
Ведь это же
первый ученичок!
Он носит в портфеле
блэнокот и тетрадки.
В блэнокоте датятки,
В тетрадке цытатки.
Цытатки —
осадки труда неустанного.
Цытатки из Маркса,
из писем Плеханова,
Цытатки характера философского
Из Чернышевского и Михайловского.

Возьмите
хотя бы
вот этого малого.
И вы согласитесь,
зглянув на портрет,
Что я не напрасно
на цыт поднимал его,
Что в нем
ничего незрешого нет.
На нем
никаких
туалетов фасонных.
Он курит не «Норд»,
а дешесные «Делья»,
А что до сомнений,
так это ж
не он их,
Это ж —
они его одолали! —
Нет!
Этот товарищ
достоин овадий
Уж он недоспит,
недопелет,
недосет.
Только бы
в чем-нибудь
посомневаться.
Попробуйте вы! —
через час надосет.
А он сомневается денпо и ноцью,
А он сомневается ноцню и денпо.
Сомневается яростно,
сомневается мощно.
Согласно заветов
товарища Стыва.
Мы робко
земными тропинками
тащимся.
А он
с высоты
издает манифест:
«В сомнения — сила!
Сомнение — трудящимся!
Не сомневающийся —
да не есть!».
Ну, разве не сокол?..
Не сокол?
Допустим.
Вс много, товарищи,—

Доказал без цитаты —
изба без мебели!
Цитаты из Бабеля,
цитаты из Бебеля.
Цитаты из Шегеля,
цитаты из Бокла,
Цитаты из Гегеля,
цитаты из Гоголя.
Цитаты из Гастова,
как из поэта,
Цитаты из Гастова —
работника ЦИТа.
Цитаты из Гете,
из Ляфайета
И даже цитаты
цитаты
Тягича.
Ему предостала великая участь.
Такого работника
под колпаком бы
Хранить.
А не гнить в Луганск,
в катакомбы,
В вемах ликвидировать
что-то текучее.
И он убеждал от пластов антрацита,
Связал себя и цитату Тягича.
Нет!

Многое делается
с мондачка!
Вам подтянуться, товарищи,
следует.

3 а что вот
ваадеацца
сего сундучка
В дядях комсомола
надеяка
преследует?
Парнишка не курит,
парнишка не пьет,
Парнишка
за девушками
не шьет.
И тут же
пугоичку пришьет.
Если случайно
она оторвется,
Под койкой стоит у него сундучок,
Замочек на нем —

заграница!
Парнишка не курит,
но табачок
В его сундучке
хранится.
Из сундучка
иногда пахнёт
Свежей
копченой
колбаской.
Сосед по койке
грустно вадожит,
Парень послушно
сундук зашкаивт
И оглянется
с опаской.
Он тих и спокоен, как шуба на вате
Но страшен
его

зоологический рёв.
Если случайно ему
вскочит
Каких-нибудь скидок
или ордеров.
«Ордерами кидаться?»
Да кто же барство!
Звяснабо
широкой повадюю радовать!
Что я?
Казна?

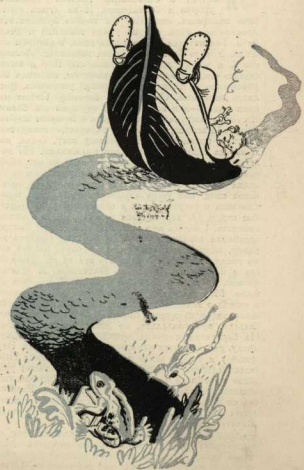
Или я государство.
Чтобы позволить
себя обрадывать?!»
Ну скажите, пожалуйста,
кто виноват,
Что он
по наследственности
кулаковат
Впрочем сознаюсь,
если попросите:
Мальчишка действительно
чересчур бережливый.

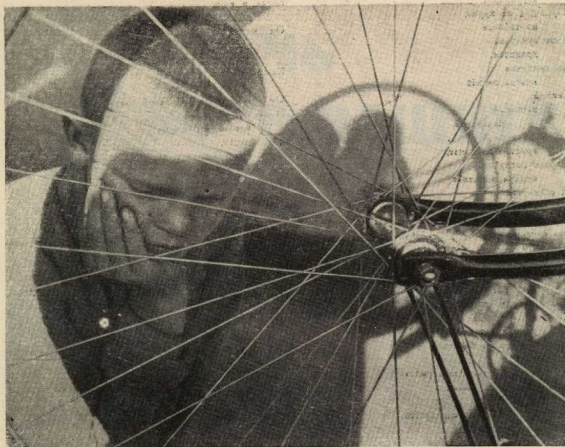

Н о что касается этого, —
бросьте:
Тут уж последнюю грань перешла вы.
Он был наворотав, настойчив и гибок.
Гвал от себя
ленивый повор.
Он звучна
девяносто улыбок.

Когда и кому
улыбнуться какой.
Он знал,
кого
и в каком месте
Какою лестью
удобней лизнуть.
Он мог неожиданной сладой протес.
И смелой нападкой
внезапно бласнуть.
(Разумеется,
он совершал нападения
На того, кто заранее
обречен на падение).
Ли вышестоящего
любил, как родного.
А нижестоящего,
как чужого отца,
Всегда на собраниях требовал слова
И был мастак
отжесываться.
Парень шла
и намеченной цели,
Парень мог бы
далеко пойти
Но им и такого
не пожелали
И стали ему
поперек пути!.

Я только примеры
отдельные выявляю
Того, как преследуют
и терзает
В Москве, в Ленинграде, в Одессе
и в Киеве
Ни в чем неповинных,
достойных ребят.
Товарищи,
я беспартийный мужчина.
И все же взаимно
к сердечности вашей:
Зачем продраться,
зачем беспричинно
Ни в чем неповинных
выкидывать вашей?!

Спицы перетачивались и сверкали...

В. Кожевников

Фото Евг. Лемберг

КРЫЛАТОЕ ПЛЕМЯ

Я мечтал о велосипеде. Мечтал тоскливо, упорно и безнадёжно. Я ни дулма вместе свой велосипед, нет! Мне бы только прокатиться, прокатиться один раз по улице спокойно и деловито. Так катался сын хозяина дома, в котором мы жили. У него был собственный велосипед. Ложились спать, и всегда дулма о велосипеде. Вот я встал, словно его, как колесика, из комнаты, он стоял бы и вешался в коридоре. Велосипед упрямится, депьется педалями. Он супохар, бастещи. Потом мы идем рядом—я и велосипед, а ощущую его боком. Я ставлю ногу на педаль, а цепь с нежным журчаньем обгугает поредачу. О, передача, аведатая, уварная, кружевная... Я перешоу ногу, седло, положе на сердце, нежно ухает пружинами. Но вот ощущение едм на велосипеде и никак не мог вообразить, это было невозможно, ведь я никогда не ездил на велосипеде. Но я ясно различал сверкавшие спицы, оно было изумительным. Спицы перетачивались и сверкали, как в солнечный день дождевые струи. От вертешетса колеса исходила легкая свесность. Сиделось мне всегда одно и то же, быстро перебарывая ногами, я аста по комнате, вылетая на улицу, поднимался над берегами (дома нашего дома росли березы). Но ведь это все не то. Даже во сне и не мог покатыться на велосипеде. Я дрыхал погами, аста, а велосипед подо мной все-таки не было. Мои приятели по двору так же извивались в мечтах о велосипеде. Наконец мы решили собрать велосипед складчинным. Мы бродили по барачкам, глядели, приценивались, но денег у нас не было. На барачках я купил кожаную треугольную сумочку, где хранится велосипедный инструмент. Эту сумочку я таскал везде с собой и воображал себя велосипедистом. Пронци года, мои сверстники уже давно приобрели по вообязательству прекрасные машины, сделанные на нашем заводике. Велосипед ни у кого не вызывает теперь голодного вождения. Их много, велосипед теперь стоит по вообязательству сто пятьдесят рублей.

«Хочу летать!»—сказал Михаил Кольцов, вернувшись после своего замечательного перелета Москва—Анкара, перелета, которым впервые было точно и ясно написано на небе для всего мира: «Осто-

рожней, небесные просторы Советского союза облетим».

Хотим летать, говорим мы, молодежь всего Союза, хотим быть крылатым племенем. Мы не хотим больше газет на наше деловитое, авеселенное самолетами, небо безучастно и завистливо. Хотим летать! Мы продадим свой велосипед, мы будем

работать по две смены, мы купим старые моторы и соорудим самолеты сами.

Спокойней, ребята, спокойней! Зачем стоить плавности, энтузиазма? Хотите летать, пожалуйста! Вступайте в члены аэроклуба, гоните по рублю вступительного взноса, наша фамилия, адрес, отчество, — есть. Вот вам инструкция, шпаргалка, вот они, недостающие самолеты, замачивные сверкающие, выстроились в ангары, послушайте и умные звездосные птицы.

В четырех километрах от Подольска вдоль берегов с умно обильными ветвями ествыстая вывеска, а на ней значок Союзавиации иная авиационная надпись: «Подольский аэроклуб». Рабочие Подольска авеслачивают самолеты. Четыре самолета. Это послушаво основой—они хотели видеть своих сыновей, парящих в небе.

Ребята занимались в аэроклубе без отрыва от производства. В их руках было больше трехлетнее увлечение и стареньким деткам уже давно привычным и располз старомодных моторов, чем у старого авеаждо архолога, счидающего прах с драгоценной реликвики.

Авиомастерская аэроклуба бедна и убога. Изсравный, положе на излошную щуку подполка и самолет, от которого с неголовинию отказался бы холодный саповник. Ребята приоткрывали инструмент с собой, покупая его да рынке.

Клуб не имел почти совсем запасных авиационных. Испортился цилиндр мотора. Сделавося учебные полеты. Курсанты тоскливо бродят вокруг самолета. Достать цилиндр негде. Что делать, где выход? Вспоминили. В Москве, в Политтехическом музее, под холодным глянцем витрины лежит такой же цилиндр. А что если попробовать? Подчинили испортившийся цилиндр и с ним—в Москву, в Политтехический музей, к авеадующему. Так и так, обинените, пожалуйста, вам ведь все равно, какому цилиндру стоять, а нам—завра. Ударили авеадующего. Цилиндр получали и авеадуште от авривалась домой. Авеадующий, прощаясь, просил его тоже принять в члены клуба.

Клубу нужны были деньги. Клуб послал обращение подольским заводам.

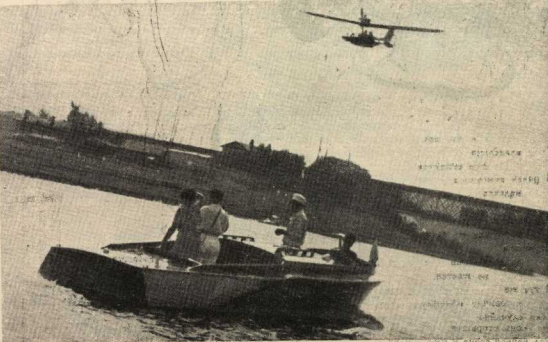
Знаете, эти канцелярии—истинные, опрятные. На столах чернильные мраморные приборы, могучие, как кладбищенские памятники. На стене плакат: «Здесь рукопожатия отменяются». «Качива дело и уходит».

Такая канцелярия на прима аэроклуба отлетала:

«Подольский яркинг-завод».

Начальнику Подольского аэроклуба.

Получив ваше письмо с просьбой о авеадуении юридически членом аэроклуба, сообщаем, что в данное время завод своим главом это не претусмотрел, а запроса дополнительно ВОМТ. По

Сегодня меня допустили к самостоятельным полетам

получении согласия последним деньги будут переданы немедленно.

Врид. помдиректора по адм. хоз. части
Коноваалов.

Секретарь Украинцев.

Подолянский крекинг-завод.

Начальнику Подолянского аэролауба.

В дополнение к и/отношению от 9 с/м за № Кр.407 сообщаем, что вследствие отката ВОМГ от дополнительных ассигнований на оплату установленных и денских взносов наш завод отсутствующих возможности состоять юридическим членом клуба.

Врид. помдиректора по адм. хоз. части

Коноваалов.

Секретарь Украинцев.

Вступление в члены аэролауба у этих чиновников не предусмотрено паллом. Но председатели Подолянского оказались предусмотрительней. Рабочие Подолясы собрали 150.000 рублей на свою летнюю школу.

Небесные престолы Советского союза обитаемы...

лет кажется, как в субтроп. Земля властает аэролаубу, инструктор хмурится. Я не слышу, но знаю, что он сердится. Спокойной, говорю себе, спокойной. Хвост самолета трубой. Под распахнутыми пластинками волнообразная звора неба, разрезанного плавными парнями. Вырывается на старт. Земля ловит меня в земное блядо аэродрома. Курсанты обурлили меня. Теперь их очередь...

Крупеини; Хваликов, Кирпачов, Золотов, вы в естественном деловом равнодушии снимаете жезла рудая змоста. Вам покойно и уютно в кабине своего самолета. Вы спокойны, неизбежно уверены в такте мотора. Ребята, а помните то подобострастное мучительное вондсласки, которое зымыала у нас одна ляд владиследи. Это сэрвизацце, почти прозрачное существо завазась нам почти идеалом досигаемого счастья. А ведь мы тогда даже толком не могли пометать о владиследи.

Аэролаубы будут везде. Вперед! Для комсомола — огромная вереница дел, достижений, успехов. Мы будем крылатыми плавнеми!

Аэролаубы будут везде

Вл. Замятин

Костя, ты помнишь...

Инженеру Кузнецову

Костя!
Ты помнишь,
как жидкая гравь
Рассыпалась бок
колотым.
А люди шлап,
торопясь,
На свою
работу
Я растерялся.
А вода
размывала глыну...
Затяжки с треском
сорваны.
А ведь только соломки
тогда мы кинули
В эту
прорву,
Еще немножко —
И брызги
и стон.
Минуты две —
И шахты не стадо бы.
И тот старинька,
что ставит
не успев бы
включить сигналом.
...Это было.
А сейчас

И мило разжелевал!
И только об этом
думает много:
Как бетонные арки
Результ
Как Москва
становилась
На железобетонные
ноги.
Вчера
я шел
из столовой
На шахте флаг
колышет ветром.
Знаешь,
даже трамвай
тыпоголовый
Прислушивается
Кости!
И я ругаюсь:
Ты научи,
как ставить
тугоо сар,
А бетон я делалю!
Не успелит стаал!
И я ругаюсь:
Мы славем
твоей туинсал,
Что Америка скажет:
— Да, мы отстаем...

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ:	
Через пятнадцать лет	4
Валерия Грассимова — Коммуниста	5
Сергей Третьяков — Замигранца	10
Мих. Гольдберг — Школа	12
А. Гротов — Скорюдин	18
М. Лавина — Мастер	20
М. Осипович — Из западного крыла дворца	24
А. Литвинов — Молодая Прислуга	25
Партирераделенный на проверку	25
В. Кожевников — Крылатые плавнеи	30
СТИХИ:	
А. Жислин — Дневник комсомольца	3
В. Лебедев — И каждый — будущий химик	9
М. Вольный — Речь в зашиту	28
В. Замятин — Костя, ты помнишь...	31
Евг. Гегер — Книга о первых комсомольцах (Творческий смотр молодежной литературы)	2
Комсомольцы — ученые	9
Фотоочерк — Костя восходит солнце	14—17
«Дилеммичек» — Физкультлетца ИС «Дневник» и «Снежи»	22
	26—27
А. Колесников, В. Азказев, В. Кожевников, Л. Лышков	8
Мотоциклетный кружок. — Рие. В. Люнино	8
Рисунок: Г. Берендгофа, В. Сварога, С. Ивасюкова, Кеша.	
Фото: Е. Лемберг, Всесоюзного музея ИЛКСМ и Союзфото.	
На облачке рис. Л. Бродяты — Из истории комсомола.	

Цена 50 коп.

Машинист А. Кравченко

СМЕНА